

ТАТА ОЛЕЙНИК

Альтраум II

ПРОДАВЕЦ БАСЕН

Тата Олейник

Продавец басен. Альтраум II

«Автор»

2022

Олейник Т.

Продавец басен. Альтраум II / Т. Олейник — «Автор», 2022

Запертый в виртуальном мире герой может быть отключен в любой момент - денег на оплату медицинских счетов у него нет. Но ему выпадает золотой квест...

© Олейник Т., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тата Олейник

Продавец басен. Альтраум II

Глава 1

Я зашел в банк, забрал почти все, что было в ячейках, и поплелся на аукцион. А что мне еще оставалось?

Раз суд в любом случае примет решение опустошить мои медицинские счета, нужно сделать так, чтобы к этому моменту я был готов внести собственные деньги на счет медцентра. Это минимум шестьсот золотых за сутки жизни. А еще же проценты аукционные и биржевые – на вывод средств в валюту. Хоть бы на неделю хватило. Неделя – это много. За неделю что-то, наверное, можно придумать.

Раз у меня всего десять мест на аукционе – мне нужно продавать дешево, потому что нужно продавать быстро. Что в банке из ценного осталось? Три малицы и унты. Каких-то денег они должны стоять с их бонусом к сопротивляемости холоду. Книга «Песнь об Амалее» – в Развиле они стоили по тысяче золотых. Жемчуг. Сто девяносто мелких белых – по 13.99 они уходят моментально, плюс налог... ну, две с лишним тысячи золотых с них точно будет. Синий мелкий – их у меня сто восемь штук, попробую поставить по двадцать – еще около двух тысяч. Больших белых, которыми я торговал по 130 золотых, осталось всего 5 штук. И семь розовых еще – он в ту же цену. Допустим, еще тысяча с хвостиком.

Ягель в горшочке – две штуки – может, и купит кто-нибудь. И совершенная голубая жемчужина – при этом я без понятия, сколько она стоит. В общем, если все продам – это примерно семь тысяч. Десять дней жизни. Стало как-то полегче дышать, когда все прикинул.

Решил первой поставить совершенную голубую на аукцион без фиксированной цены – если не знаешь стоимости вещи, это самое разумное, пусть в свободных торгах определяется.

Максимум на неделю можно было – но занимать на целую неделю дефицитный торговый слот... и тридцать процентов налога с конечной цены! Выбрал десятичасовые быстрые торги – там всего двадцать процентов, как и при обычных продажах с фиксированной ценой.

Эх... выучить бы навык торговли, – но без грузоперевозок мне совсем несладко придется. Непонятно, что выгоднее будет – торговлю качать долго, прежде чем скидки налоговые ощутимыми станут.

Цену стартовую на совершенную голубую жемчужину поставил в тысячу – раз она ловится редко, что я лично могу засвидетельствовать, и на аукционе в таком большом торговом городе как Мантис ее нет – значит, стоять она должна дорого.

Полез посмотреть цены на малицы. Малиц и унтов в продаже не было, но в принципе вещи на минус 20-30 к разного рода воздействиям – огню, например, или тьме – стоили по сто-двести золотых. Из сопротивлений холоду на аукционе нашел свитера, валенки, шапки-ушанки, вязаные носки, кальсоны, шубы... вообще много всего. Но все на плюс пять-плюс семь к сопротивлению, шубы самые дорогие, соболиные, – по пятнадцать. Но на соболиных еще харизма и привлекательность такие висели, что цена в пять тысяч золота у них явно не за холод получилась. Беличий тулуп, скажем, плюс двенадцать к холоду давал и всего сотню стоил. Выставил свои малицы по двести, а унты по триста. Выставил и пожалел – четыре места торговых занято, а когда купят – неизвестно, нужно было с дешевого жемчуга начинать, его влет разбирают. Оставшиеся слоты забил им. И полез посмотреть – нет ли уже ставок на мою голубую красавицу...

Обалдеть!

Нет, правда, обалдеть. Последняя ставка двадцать тысяч! Сразу на десять тысяч предыдущую перекрыла.

Следующий час я бесконечно перепроверял ставки на голубую – но новых не было. И белый жемчуг так и улетал, я все время новый подсыпал.

Потом решил не валять дурака, не тратить даром время, которое теперь очень дорого, а заняться выполнением ранее продуманного плана. А именно – выучить грузоперевозки. Купить самую простую лодку, способную брать на борт хоть какой-то груз, и самую простую повозку. Найти лавку, в которую я смогу продавать рыбу без аукционных наценок. И отправиться эту самую рыбу ловить. Привлекательность у меня сейчас, слава кольцам, приличная, продавать кольца буду в самом крайнем случае, хотя вообще планировал уже сегодня с ними расстаться, но раз так повезло с голубой жемчужиной, то пусть пока останутся: проще будет с учителями, торговцами и вообще местными контактировать.

Кстати, пока я на аукционе – нужно семян каких-нибудь овощей на огородника первого уровня купить: пять клумб при доме, без цветов обойдемся, посеем укроп какой-нибудь, может, продать смогу.

Укроп требовал третьего уровня огородничества, а на первый имелись – руккола, лук, шпинат, репа и горох. Взял гороха, он самый дешевый был по семенам, а стручки зеленые на аукционе стоили по 90 серебра килограмм. Мелочь, конечно, но мне сейчас ничем брезговать нельзя.

Спросил еще у аукционера – для чего нужны голубые совершенные жемчужины. Он сперва явно засомневался – отвечать на такие вопросы он все же не обязан, но то ли кольца мои сыграли роль, то ли просто добрый непись попался.

– Из них делают кристаллы, которые позволяют кораблям дойти до Сандара.

Ох ты! Это ж тот самый новый неисследованный континент! Тогда понятно, почему такие цены.

Вышел из аукционного дома, увидел стражников, подошел, поклонился, почтительно спросил, не подскажут ли милостивые господа, как мне найти в Мантисе учителя грузоперевозок. Стражники тоже не стали бить меня палками или откусывать голову, а вполне дружелюбно разъяснили, что мне надо прибыть в Канцелярский квартал, где на площади стоит Высокое Училище, а напротив него в закоулках лепятся ремесленные школы – в этих школах почти все простые навыки можно выучить.

Полчаса блужданий по хитросплетениям узких улочек, несколько расспросов аборигенов – и нужная школа была мной обнаружена. Состояла она из одного замызанного зала и не менее замызанного, но зато обширного двора, где мне объяснили и показали как призывать-отзывать тележку, как крепить грузы, как выпрягать осла из тележки, как часто его нужно кормить и держать не в свитке тележки, а в хлеву или на любой лужайке, где животное может свободно бродить и набираться бодрости, необходимой ему для трудовой деятельности.

После чего я был отправлен по очереди на каретный и скотный двор, где мною были приобретены соответственно «простой возок» и «ослик 1 ранга».

Шел ослик куда медленнее, чем я, сесть в возок было нельзя: полагалось топтать рядом, ведя животное под уздцы, зато в возок можно было поставить пять ящиков, мешков или бочек весом до сорока килограммов каждый. И я тут же задействовал свое потрясающее транспортное средство, купив на аукционе три тюка сена и два мешка овса.

Голубую совершенную жемчужину уже покупали за 30 тысяч, и экзистенциальный ужас в моей груди постепенно сменялся бодрым настроением и верой в собственные силы. Распродав еще пригоршню жемчужной мелочи, я приобрел и новую лодку: «простую рыбацкую с ящиком под рыбу», каковой ящик вмещал до ста килограммов этой самой рыбы. А первый же торговец на Рыбном рынке недалеко от порта согласился брать у меня рыбу на продажу – и еще рассмеялся, когда я осторожно намекнул, что ловлю много и, возможно, такое количество будет сложно продать.

– В городе до миллиона душ живет, и все хотят регулярно кушать, сынок!

Перед сном я еще успел посадить горох, полить его водой, принесенной в двух бутылках из уличного фонтанчика по соседству, и накормить осла, которому я дал кличку Чучарелло. Лицо у него было типичное чучарелльское. Устал в конце концов так, что смог заснуть, не думая о грядущем суде.

– Исходя из этого мой истец предполагает, что под видом личности ее сына ответчик использует искусственный интеллект, генерирующий нужные ответчику показания.

Мамин юрист был в игре – пожилой, чернявый маг пути ста сорокового уровня. Мой юрист сказал, что этот тип специализируется на претензиях игроков к Lesto – и фактически живет здесь. А вот судьи оставались в реальности – они отображались на большом экране, который занимал огромную стену в тайном зале Дворца Правосудия Мантиса. В обычное время экран выглядел как гигантское батальное полотно, на котором два дракона раздраконивали какую-то неудачливую армию. Судебная коллегия из шести человек специализировалась на разборе дел, имеющих отношение к виртуальной реальности – поэтому никаких заминок с разъяснениями не случилось, господа юристы были хорошо в курсе дел игровой вселенной.

Папа был в зале единственным зрителем – дело слушалось в закрытом режиме, а папа был соистцом. Подойти поздороваться с ним я не мог – мы с юристом сидели в отдельной зоне, смахивающей на театральную ложу, с барьером и отдельным входом. Но я ему все же помахал – папа дернулся, но сделал вид, что не заметил. Юрист Lesto объяснил мне, что родители стоят на том, что не признают меня настоящим человеком, поэтому демонстративно ведут себя со мной как с программой – если Lesto предоставит запись, на которой они меня, скажем, хлопают по плечу и зовут по имени – это может против их утверждения сработать.

Мамино требование было – немедленно разморозить меня, так как она мой ближайший родственник, представляющий мои интересы. Вторым требованием было – вернуть на мамин счет деньги из медцентра, там еще на три с лишним месяца обслуживания капсулы оставалось.

Юрист сказал, что первое требование – без шансов. Таких дел уже сотни по всему миру было – наследники регулярно пытаются разморозить своих бабушек и дедушек. Тоже упирая на то, что юная оторва в мини-юбке – это искусственный интеллект, а не миссис Палмер девятиности восьми лет от роду. После того, как первый десяток пенсионеров был судебными решениями разморожен, грубо сообщил все, что думает о потомках, и потребовал снова вернуть его в Альтраум, любые вопросы к идентичности игровых персонажей и игроков в криокоме сейчас считаются решенными. Так что мама просто бьет по площадям – ей достаточно будет обнулить мой счет, чтобы меня извлекли из игры по факту неоплаты, а ее неверие в качество предоставляемой услуги – достаточное основание для возврата денег.

Сейчас ее представитель гнусавым, но громким голосом зачитывал длинную статью некоего Тао Юань Ли – светила одной из сингапурских клиник. Если коротко, этот Тао Юань Ли утверждал, что в его практике были случаи, когда люди, подвергнутые криовоздействию и ушедшие в игру, по возвращении не помнили своего пребывания в Альтрауме, несмотря на то, что их персонажи там успешно играли. Светило утверждало, что такое случается, когда пациенты очень слабы и фактически находятся при смерти, тогда их ментальный слепок используется Lesto для создания искусственного интеллекта-обманки. Который, естественно, не может ввести в заблуждение по-настоящему родных и близких, но вполне успешно притворяется живым игроком в глазах прочих окружающих.

Юрист Lesto после часового зачитывания статьи попросил суд принять во внимание, что уважаемый Тао Юань Ли, будучи бесспорным авторитетом в онкологии, при этом не является ни нейробиологом, ни специалистом в области искусственного интеллекта, а потому все его рассуждения на данную тему есть ничто иное как досужие домыслы профана, которым место – в художественной литературе, а не в судебных залах.

Потом выступала мама, объяснившая, что она не может спутать своего дорогого мальчика с дурной компьютерной подделкой под него. И папа тоже подтвердил, что я очень сильно изменился и веду себя иначе, чем в жизни.

Следующим должен был говорить я и, как и велел юрист, объяснил, что если и веду себя иначе – то только потому, что впервые в жизни чувствую себя здоровым, не накачанным лекарствами и не отупевшим от различных малоприятных медицинских процедур. Я пытался говорить спокойно, но все-таки ужасно нервничал, и это, наверное, все видели. В заключение я попросил суд меня ни в коем случае не размораживать и, если можно, не обнулять мой счет – я лучше потом постепенно выплачу эту сумму родителям.

Ну, и юрист Lesto зачитал сразу несколько экспертиз, согласно которым вывод меня из криокомы в текущем физическом состоянии с огромной вероятностью приведет к моей гибели в процессе разморозки.

– Ну, как мы и ожидали, как мы и ожидали. Тем не менее, полагаю, нас можно поздравить с успехом, право на выбор манипуляций с вашим телом, Никита Дмитриевич, отныне и навсегда оставлен целиком за вами. А деньги... ну что же... деньги – дело наживное. Вы говорите, что уже готовы внести какую-то сумму – тогда лучше сделать это немедленно, прежние средства были автоматически заморожены сразу после судебного решения, и до полуночи нужно успеть пополнить баланс.

Я был готов -и куда лучше, чем смел надеяться. На аукционе я продал почти все, что хотел, кроме ягеля, который, оказывается, стоил по двадцать серебра, так что я оставил его сомнительно украшать подоконник в столовой. И «Песнь об Амалее» пока продавать не стал – успеется, привык я ее иногда перед сном перечитывать.

Все равно ушедшая за сорок шесть тысяч совершенная голубая жемчужина, даже после вычета восьми с лишним тысяч аукционного налога, плюс весь проданный жемчуг и малицы – дали мне два месяца жизни. На бирже и золото, и валюта продавались моментально, если ставить по нижней планке, и налоги там были совсем небольшие – меньше процента, так что я перевел на счет Lesto почти все – оставил себе десяток золотых на всякий пожарный.

Но были и не такие радужные обстоятельства. Например, выяснилось, что даже если ловить рыбу двенадцать часов без остановки, то гарантированно с моим серьезным навыком наловить можно золотых примерно на сто. Хотя бы потому, что рядом с городом Союзное Море было очень низкого уровня, а с седьмым мореходством я не мог отдаляться от берега дальше, чем на пятьдесят метров – лодка переставала слушаться весел и ее сносило прибоем обратно к причалам. Течений, которые могли бы вынести меня за пределы зоны, я не нашел, что и к лучшему, так как управление судном там было бы невозможно и бог знает, куда бы меня тогда занесло. А в прибрежной зоне ловилась куча самой разной рыбы, но ничего такого, за что сыпали бы горы золота, не попадалось: из ящичков падали дешевые льняные тряпки и куски железа, из редких раковин -жемчужниц – мелкий белый жемчуг. Правда, я нашел место, где на удочку ловилось много устриц – весьма дорогого деликатеса, да и был шанс выловить что-то крутое и в низкой зоне, а мореходство пусть и медленно, но росло при рыбалке в лодке... Но вообще лучше бы я, наверное, взял торговлю, а не грузоперевозки. Если прокачать кулинарию до тридцати и начать готовить из рыбы сносную еду на продажу... хотя тогда нужна будет хотя бы крошечная лавочка, а в лавочке придется сидеть с утра до вечера, а кто тогда будет рыбу ловить?

Весь в математических печальных расчетах я добрел до голубя – посмотреть, что за сообщение мне пришло. Писал Акимыч.

«Привет! Как тебе идея – я уезжаю из этой задницы под Ноблисом в Мантис. Здесь безнадега полная. Расскажу при встрече. Ты писал, что снял дом – можно будет у тебя перекаптоваться первые дни, я совсем на мели, еле-еле на билет до Мантиса наскреб?»

Я почему-то страшно обрадовался и написал, что идея отличная. Вообще к одиночеству привыкаешь ровно до тех пор, пока не появляется шанс от него избавиться. А вдвоем так или иначе будет веселее, наверное. Тем более будет шикарно иметь под рукой Акимыча, который в любой момент может выйти из игры и поискать любую информацию на игровых форумах. А еще он кулинар – так что, может, скооперируемся с готовкой рыбы, хотя, судя по тексту письма, с кулинарией он пока особых успехов не имеет.

Так что следующие три дня прошли под знаком ожидания, и даже более, чем скромные рыболовные успехи уже не так расстраивали. Почему-то гигантскими косяками попер морской окунь – рыба дешевая, при разделке никаких дополнительных ингредиентов вроде яда или жира не дающая, так что я под вечер редко относил в лавку товара больше, чем на сорок золотых, и еще золотых тридцать получал после продажи на аукционе маленьких жемчужин и простых холстов. Зато пришлось в голову посмотреть, сколько стоят рыбные яды – и я был приятно изумлен: яд той же бифукаки шел по сотне золотых, и у меня его было больше шестидесяти, а десять ядов рыбы-медузы ушли за полторы тысячи на торгах. Жаль, рыбий жир был копеечный – по 10 серебрушек шарик. Ну, да неудивительно, он из многих рыб, в том числе низкоуровневых падает.

А горох, кстати, вырос на пятый день после посадки – и стручки созрели. Вкусный, кстати. Я даже продавать не стал, так сожрал: вообще после Нерпячьего я как-то очень к овощам и фруктам душой расположился. Грядки засадил в этот раз луком – он во многие рецепты входит, может, Акимычу пригодится.

Глава 2

Акимыч прибывал на той же «Эльвире», но в этот раз все было по-другому. Во-первых, я не волновался, а был почему-то в хорошем настроении. И роз у меня не было, а были креветочные зажаренные на палочках пирожки, которые я и жевал, сидя на белых перилах пристани – меня при подходе к ней затормозил пирожковый дух и пришвартовал к лоточнику, который этими пирожками торговал как... эээ... горячими пирожками, народ их прямо расхватывал и правильно делал. Найти бы рецепт – креветок я ловлю много, крупных, в ладонь длиной, а рецептов на них никаких нет. Без рецептов же ерунда какая-то получается склизкая – игровые условности диктуют свои законы.

Акимыч вообще не изменился, только вместо рубахи рекрута на нем были штаны и куртка – весьма потрепанные. Такой же маленький, длиннорукий и неумный. Ну, и уровень тридцать третий – я думал больше будет за десять месяцев игры. Не, я сам-то вообще двадцать пятого, но у меня класс-калека, да еще и на Севере отмороженный, а Акимыч-то чего? Хлопал он меня по плечам так интенсивно, словно пыль выбивал, и бесконечно радовался всему – концу путешествия, солнцу, нашей встрече, пирожкам на палочках и тому, как в Мантисе много кошек и какие они все толстые.

– Вообще тут нормальный народ, я же вижу. В Писко – совсем другие морды у людей: злые, тупые и зажавшиеся.

– Что за Писко? Ты же в Ноблисе жил.

– Я?! в Ноблисе?! Ты шутишь что ли? У меня столько бабок нет – в Ноблисе жить. В Ноблисе тебя в таких тряпках в большинство районов вообще не пустят – стража погонит, а уж если репутации нет, то хоть вообще в городские ворота не суйся. Не, я в Писко комнату снимал – это в Шанде, а Шанда типа область при Ноблисе. Деревня – и все тут. Все вокруг – фермеры или батраки, дома у всех хозяйство свое – куры, огороды, виноградники, сами готовят, сами жрут. Торговлю кулинарную там заводить – последнее дело. Ох ты, смотри, какой дворец, чей интересно?

– Это, вроде, здание городского Совета.

– А, ну да, Мантис же – свободный имперский город, ни герцогов, ничего такого. Ну, и хорошо, что нет аристократов. Жуки эти ваши аристократы, я вам доложу. За лицензию на простую палатку в драной деревне знаешь, сколько тянут? Я скажу, ты не поверишь.

Мой дом привел Акимыча в совершенный восторг. Вообще-то это был очень маленький домик, который внизу состоял из кухни, соединенной со столовой, а на втором этаже делился на три совершенно крошечные спальни, но смотря на эту недвижимость глазами Акимыча, я уже и сам почувствовал, что у нас тут – загородное имение, простор и хоромы. Плиту начинающего кулинара он прямо в дверцу расцеловал – не шучу. Тут же он извлек из инвентаря буханку хлеба и продемонстрировал свое мастерство, изготовив «хлеб, жаренный на огне». Половину хлеба мы снесли на угощение ослам, у Акимыча тоже имелся свой скаун: почти копия моего Чучарелло, только оба уха черные, у моего-то левое – белое. Ослики вроде, не возражали делить на пару конюшню, хотя им тут, похоже, было тесновато. Пока мы чаевничали, Акимыч, дирижируя себе вилкой с надкушенной гренкой, делился планами.

– С девушкой расстался, ну, это она со мной рассталась, если честно. Медучилище закончила и уехала в областной центр в институт, педиатром хочет стать. А я что? Я ведь даже на сварщика не доучился. Я виноват, что нет у меня таланта к этому делу? Зачем только и брали на учебу, если сразу можно было проверить – как у меня там с глазомером. Это все батя: овладей рабочей профессией, овладей рабочей профессией... Ну, и кто кем овладел? Четыре года – на помойку!

– А сам ты кем хотел быть?

– Да никем. Компьютер хотел людям ремонтировать по знакомству незадорого.

– А ты умеешь?

– Ну, свой же чиню и все, что надо, настраиваю. Да ко мне полдома бегают – Стасик, у меня висит, Стасик, у меня пищит, Стасик, у меня горит... Все бесплатно, соседи же. Но предки, конечно, такого не понимают, они у меня старой формации – трудовая книжка чтобы и прочая выслуга лет. Как из сварки поперли, устроился в салон связи. Там копейки платят и корпоративные штрафы за каждый чих – ну, и зачем я такой нужен будущему педиатру? Дача еще это дурацкая горелая – все лето ее строили, я между работой и стройкой разрывался, спал на ходу, а девушки не любят, когда у тебя на них сил нет. Хотя все из-за нее, между прочим. Я ей сказал – погоди, там уголек, вроде, светится на полу, а она хи-хи, ха-ха, поцелуй, глупости там всякие... ну, и увлекся. Как пришел в себя – а внизу уже все полыхает. Спустил Ленку в окно на простыне, а сам еще бегал на первый этаж – ее сумку с документами и ключами -телефонами забирать. Мне ресницы и волосы пожгло, пришлось наголо бриться, для соразмерности, а то слева все торчит, а справа все жженое ключьями. Тут у Ленки глаза совсем открылись, какие мы с ней разные люди и как нам с ней не по пути.

Так что Акимыч принял волевое решение -с жизнью завязать. Не вообще, а конкретно с той, которая ему досталась. До конца января он стойчески продавал гражданам телефоны, не тратил ни копейки кроме того, что выдавал родителям на стол и квартплату, а получив на руки наградные и премиальные, – уволился, взял кредит и с февраля фактически живет здесь, оплатив полугодовую аренду подержанной капсулы. Потому что Акимыч совершенно уверен – настоящие деньги сейчас можно сделать только в Альтрауме. Но ему настоящих и не надо, ему и ненастоящих хватает – чтобы хватало на игру и пару раз в день чего-нибудь пожевать быстрорастворимого в реальности. В пользу своего плана Акимыч высказывался так азартно и разветвленно, что дошел даже до утверждения, что, живя в Альтрауме, ты предохраняешь свое лицо от морщин, так как в капсуле оно не подвержено губительному воздействию ультрафиолета. Я подумал, что Акимыч должен был быть просто великолепным продавцом телефонов.

К сожалению, в гениальный прожект кулинарного обогащения вкрались кое-какие досадные помехи. Например тот факт, что низкоуровневая еда пользовалась исключительно малым спросом всюду, кроме стартовых локаций, а чтобы прокачать кулинарию выше тех тридцати уровней, которые набрались у Акимыча, требовались уже довольно-таки сложные блюда, рецепты которых стоили приличных денег, не говоря уж про ингредиенты. То есть, берем простое блюдо – например, стейк из лосятины с лисичками. Казалось бы, лосятины и грибов на аукционе навалом за копейки. Но вот засада – если не добавить в стейк положенные по рецепту розовый перец и трюфельное масло, то получается такая дрянь, что ею только приговоренных к пыткам кормить. А розовый перец и трюфельное масло совершенно не валяются на дорогах, а стоят весьма полновесных золотых, так что готовое блюдо еле-еле окупается, а ведь его еще и продать надо – и не забудем про торговые лицензии, аренду жилья и про унылую и жадную деревенщину, которая уж если и решит потратить монетку на готовое блюдо, то ей подавай хотя бы пятидесятый уровень кушанья с баффами в стиле «плюс миллион ко всем параметрам пожизненно». Тоска в общем и безнадега.

Но Акимыч все продумал. Он поселяется у меня, занимает у меня на время целые штаны и рубашку и ходит по всем забегаловкам Мантиса с предложением нанять его в подмастерья. Конечно, платить будут грош да ничего, но зато работа подмастерьем – это халявное прокачивание ремесла, и за месяц Акимыч точно возьмет пятидесятый, а потом небеса разверзнутся и осыплют Акимыча розами вперемежку с бриллиантами. Как-то так.

Мне все это показалось полным бредом, но я своих ощущений высказывать не стал.

– А что ты нормально не качаешься? – спросил я его вместо этого. – Приключения, походы, войны, подземелья – там же, если повезет, действительно разбогатеть можно. Сам же говорил, что у тебя класс идеальный для боевого фарма.

Акимыч впервые за день ощутимо погрузнел.

– А... Смеяться будешь?

– Нет.

– У меня руки, оказывается, кривые не только в сварке. Я раньше думал, что это у меня шаман такой неуклюжий, да еще элементаль этот дурацкий за ним всюду носится и все портит. Фехтовальщиком, думал, будет шик-блеск. А тут с кем в команду ни пойду – на меня все орут. Стою не так, бегу не там, ничего не успеваю соображать, реакция никакая, когда надо прыгать – забываю, когда надо замереть – прыгаю, по мобам промахиваюсь, из-за меня все дохнут. Причем если бы орали поменьше я, может, постепенно научился бы всему. Даже искал таких же криворуких нубов – объявления давал типа: давайте будем вместе плохо фармить и беречь друг другу нервы. Да без толку. Знаешь, как меня в Писко прозвали? Там же инст рядом известный рейдовый, «Ежи в винограднике», многие на тридцатых-сороковых уровнях в нем сидят месяцами, селятся рядом, все друг друга знают.

– И как тебя прозвали?

– «Класс коррекции». Там рейд-лидер один, когда я третий раз подряд рейд вайпнул, сказал, что я один заменяю собой целый класс коррекции для детей с ментальными нарушениями. Смешно, да?

– Не смешно, а грубо.

– Да не, он ничего мужик был, дольше всех меня терпел, только после того похода в черный список занес.

Как ни странно, но на работу Акимыч устроился – в гостиницу «Смех удава» в квартале Всякой Всячины. Так что вставали мы с ним оба ни свет ни заря, я отправлялся на рыбалку, а Акимыч – готовить яичницы и каши постояльцам на завтрак. По совету Акимыча я теперь ловил рыбу не в море, а в Данере, он тут оказался выше уровнем, чем прибрежные морские воды, и в нем водилась дорогая рыба – осетры, стерляди, белуги и налимы, у последних особенно ценилась печенка. Ни я, ни Акимыч пока ничего не могли толкового приготовить из этой рыбной роскоши кроме скучных жареных стейков, даже икру засолить не получалось, но иногда Акимыч уговаривал своего шеф-повара сварганить копченой осетрины или горшочек икры – за половину приготовленного, в такие дни мы закатывали рыбные пиры, раскошеливаясь на изюмное или грушевое пиво.

Но в целом нельзя сказать, что мы тут особенно веселились, над нами обоими висел пока еще далекий, но все же весьма ощутимый ужас перед будущим. Кредит Акимыча только обрастал процентами, а мои доходы – пусть и куда более значительные, и близко не покрывали медицинские счета. Я так и не посвятил Акимыча в свои обстоятельства – но он, кажется, и сам о чем-то догадывался, судя по тому, как он деликатно обходил тему моей жизни в реале.

Рыбы и прочего водяного барахла я теперь мог наловить иногда и на двести золотых в сутки, но неизбежное этим лишь слегка откладывалось. Аренду дома решил продлить еще на месяц – теперь эта сумма уже не казалась огромной по сравнению с грандиозностью основных проблем, а к дому я привязался, да и провести последние, возможно, недели жизни в относительно комфортном – не такая уж плохая идея, как мне кажется. Был там такой угол между грядами, куда мы впихнули каменный стол с кухни и поставили два стула – и я полюбил сидеть вечером в саду, глядя на закат над морем и слушая трепотню Акимыча об интригах и скандалах их высокодраматической гостиницы, где, казалось, и персонал и постояльцы набирались по признаку «явная склонность к диким выходкам».

– И тогда Ирени, горничная, и говорит «А ваши панталоны, сударыня, можете снять с флюгера дома напротив!»

– А что Баро?

– А что Баро! Баро давно съел обеих уток!

Сегодня я как раз навещал квартал Всякой Всячины, но не с целью полюбоваться вживую на персонажей историй Акимыча. Роясь накануне в сундучке своей комнаты, я нашел засунутый туда сломанный хронометр, тот самый, из желудка акулы, и решил на всякий случай выяснить – нельзя ли часы очень дешево починить, а потом, например, очень дорого продать? Пятьсот золотых за хороший серебряный хронометр на аукционе только так давали. А этот по виду мог быть и золотым – просто пребывание в акуле не слишком пошло ему на пользу.

На карте Мантиса ближайшая к дому часовая мастерская располагалась как раз в этом квартале маленьких лавок, магазинчиков, лапшичных, блинчиковых и закусочных -и я еле сориентировался в этих тесных закоулках, но наконец увидел номер дома – «15», причем номер был написан на табличке, которая была чуть ли не шире фасада здания – реально в шаг длиной домик, если широкий шаг, правда. Боком я кое-как протиснулся в узкую дверь и уставился на тридцать четвертую. Это точно была она. Сейчас, правда, не в том черном платье, а чем-то таком зеленом и сером и ужасно деловом. И уровень у нее я теперь видел. Сто второй. Хороший такой уровень.

Тридцать четвертая выжидательно вскинула на меня свои серые круглые очи.

– Привет, – сказал я. – ты теперь часы чинишь?

Тридцать четвертая все так же продолжала молча смотреть на меня.

– Ты меня, наверное, не помнишь... – начал было я.

– До сих пор мне на память жаловаться не приходилось.

– А... так ты часовщик теперь?

– Нет.

Я огляделся. Лавка была заставлена колбами и пробирками с разного цвета жидкостями и порошками.

– А на карте написано, что здесь – часовая мастерская.

– Старая карта, я уже полгода владею этим предприятием.

Я попытался повернуться, и предприятие угрожающе зазвенело пузырьками.

– Прежде, чем ты все здесь перебеешь, сообщаю, что за разбитое здесь платят, как за купленное.

– А куда часовщик отсюда переехал, не знаешь?

– Без понятия.

– Слушай, – набрался я смелости, – понимаю, что ты очень таинственная, но можно тебя каким-нибудь именем называть? А то твой ник прочесть нельзя, а звать тебя тридцать четвертой – как-то невежливо. Может, я захочу в следующий раз купить вот это, – тут я ткнул пальцем в первый попавшийся пузырь с чем-то фиолетовым, – и как мне к тебе обращаться? Проще пани тридцать четвертая?

– Когда ты захочешь купить себе средство, облегчающее роды, можешь называть меня Евой.

– Тебя так зовут?

– Меня зовут Малгожата, но я догадываюсь, как это будет звучать в твоём исполнении.

– Так как тебя зовут? Ева или Магла..можата?

– Ева-Малгожата. И если мы закончили эту увлекательную беседу, то я хотела бы вернуться к своим делам.

На прилавке перед Евой лежала раскрытая тетрадь, рядом – письменный прибор.

– Ты дневник пишешь?

– Ну разумеется. И сейчас добавлю в него пару особо захватывающих страниц. Ты покупать что-нибудь собираешься? Нет? Тогда доброго дня и, будь ласка, закрой за собой дверь.

Что мне импонировало в тридцать четвертой, то есть, в Еве, так это то, что я совершенно точно не вызываю у нее личной неприязни. Кажется, ей в принципе не нравились люди, вне зависимости от того, являются ли эти люди мною или нет.

– Слушай, – сказал Акимыч, разливая чай. – А этот портье, с которым ты все время переписываешься, он хороший чувак вообще?

– Лукась? На первый взгляд он довольно угрюмый и на все обиженный, да и на второй, в общем, тоже, но в целом да, Лукась – хороший чувак. Мне так кажется. А что?

– Наш Митрадо уезжает через пару недель, нужен второй сменщик, сегодня услышал, что хозяйева ищут портье – ну, и сказал, что у меня есть отличный кандидат, мой хороший друг – они готовы предложить ему место.

– Ты ж его даже не видел никогда.

– Ну и что, ты-то видел, а я тебе доверяю. Напиши ему, что есть вакансия, а жить в свободное от дежурства время можно у нас.

Я не был так уж уверен, что жажду заселить весь дом лукасями – у этого хорошего чувака были свои слабости, например, привычка при малейших признаках сырости надевать под рубашку шерстяной пояс, пропитанный чесночной настойкой.

Но я все же сел и написал то, что просил Акимыч. И уже через десять минут получил ответ.

«Еду!»

Глава 3

А на следующий день я получил малахитовый квест. Дело было так – после целого дня исключительно неудачной рыбалки (шла все какая-то мелочь, причем самая заваливающая плотва, подлещики, ерши да карасики), я извлек из воды розовую раковину, похожую на ладошку младенца. Вскрыл ее – и с прискорбием обнаружил в нежных складках моллюска самую обычную маленькую белую жемчужинку, точь-в-точь такую, какую можно вынуть из простых черных перловиц. Потом смотрю: а она определяется как «очень белая жемчужина» и сноски еще «расспросите о ней знающих людей».

Попробовал было хозяина рыбной лавки порасспрашивать, но он смотрел на меня, как баран на новые ворота. Что было, в общем, ожидаемо, с чего бы торговец рыбой должен разбираться в драгоценностях? И как только я это подумал, тут же почувствовал себя идиотом – и решительно направил свои стопы в Золотой квартал, где самые дорогие магазины и ювелирные лавки находятся. Человек пять ювелиров по очереди пожали плечами, покачали головой и развели руками, прежде чем шестой решительно направил меня к главе ювелирной гильдии, господину Томешу.

Почтенный рыжий толстяк, у которого в веснушках были даже руки, посмотрел на жемчужину и, расплывшись в улыбке, сказал, что вообще-то это простая белая жемчужина, но при этом она – идеальной формы, цвета, тепла и плотности. А он как раз очень хочет собрать на день рождения своей дорогой дочурке ожерелье из ста идеальных белых жемчужин, так не взялся бы я их в течение недели доставить? И квестовая табличка тут же – вся зеленая, в прожилках, с малахитовым навершием.

«Подарок для Лулу. Найдите для дочери ювелира Томеша еще 99 идеальных жемчужин».

Квест-то я принял, но сомнения, конечно, возникли. Я такую ракушку первый раз встретил – где их за неделю 99 штук набрать?

– Дочка у меня одна, может, я ее и балую, но почему бы свое единственное дитя и не побаловать? – говорил Томеш. – Знаете ли вы, Нимис, что в наших краях такое ожерелье из ста белых жемчужин называется «Родительским благословением»? Девушкам его дарят родители, оно бережет девичью честь, а после свадьбы муж добавляет к нему еще сотню жемчуга, тогда оно становится «Двойной ниткой честной жены» – и носящая его никогда не умрет родами? Это, конечно, старый обычай, но в почтенных семьях его все еще помнят. Идите же, принесите мне жемчуг, и да пребудет на вас благословение Нейдона!

И как только ювелир это сказал, я получил бафф. «Повышен шанс вылова розовой перловицы, срок 6 дней 23 часа». Так что вместо того, чтобы идти домой – отдыхать и ужинать, я опять помчался на рыбалку и вернулся уже глубоко за полночь, с возком, набитым рыбой, и инвентарем, в котором белесо светились пятнадцать квестовых жемчужинок.

Так дней пять и провел, рыбачил, как подорванный, вечером с Акимычем поспешно ужинал, читал очередную цидулу от Лукася и падал в койку, чтобы встать с рассветом и снова кинуться в битву за жемчуг. Собрать я его, кажется, успевал – но впритык.

Лукась уже направлялся к нам – но ехал он на грузовом корабле, который останавливался по дороге у каждой лесопилки со своим причалом, у каждой приморской деревеньки, так что странствие шло неспешно, а Лукась считал своим долгом с каждой стоянки посылать мне путевые впечатления – крайне обстоятельные.

«Кок опять натряс своих волос в похлебку, чайка украла у меня хлеб с маслом, матросы ведут себя на редкость неуважительно и редко моются...»

И совершенно не вина Лукася была в том, что каждое сообщение о пришедшем письме заставляло сердце екнуть. Я, конечно, понимал, что родители поставили на мне в этом обличье

– крест, и писать ни за что не будут, но вдруг... Вообще я пребывал все это время в каком-то эмоциональном отупении, не разрешал себе слишком много ни о чем думать, только о том, где взять денег – тут, по крайней мере, имелась ясная цель и никаких дурацких страданий.

Томеш разгладил горку жемчужин по черной бархатной подставке и принялся поворачивать их пинцетом, стучать по бочкам, разглядывать через крепившуюся на лбу лупу.

– Что же, дорогой Нимис, порадовал ты меня, порадовал. Не очень крупные, но зато редкой соразмерности, одна к одной. Вот тебе за труды, и приходи-ка послезавтра ко мне домой к полудню, дочку лично поздравишь, да и познакомлю тебя кое с кем.

Квест оказался выполненным. Принес он мне тысячу золота, прилично опыта и по два пункта к Благородству и Любезности – обоих параметров у меня пока еще не было, и с чем их едят – я без понятия.

«Ваша репутация с Мантисом повышена до «Приветливости»

А вот это – очень неплохо. Видимо, этот Томеш тут важная шишка, раз услуга ему так высоко городом засчитывается. Я слышал уже, что Мантис держат две гильдии – мореходов и судостроителей, но, видимо, ювелиры тут тоже в почете.

На дне рождения присутствовало одиннадцать подружек двенадцатилетней Лулу, и все – куда более хорошенькие, чем бедная толстушка-именинница, у которой было такое круглое лицо, что щеки реально виднелись из-за спины. Впрочем, ребенок, видимо, пока еще не догадывался о несправедливости жизни и веселился вовсю – визга от нее было больше, чем от всего остального выводка бело-розовых девочек в пышных шелковых платьицах. И, кстати, ребенком барышня Лулу Томеш официально больше не являлась, в Трансильвии с двенадцати лет наступало совершеннолетие – и можно было хоть замуж выходить, хоть другие сделки заключать, хоть в армию... впрочем, в армию тут и раньше брали, в порту мне приходилось видеть юнг с боевых кораблей – так некоторым было лет по десять.

Все приглашенные гости, вручая подарки имениннице, особенно напирали на то, что она теперь уже взрослая и скоро заведет себе жениха и порадует родителей внуками.

Я тоже потратился на подарок, купил красивую коробку настоящих шоколадных конфет – двенадцать круглых шоколадок утопало в атласных гнездышках, стоило все хозяйство аж сорок золотых: шоколад был заморским и безобразно дорогим деликатесом. И самому пришлось принарядиться – в лавке подержанных вещей купил черный бархатный сюртук с половиной прочности, но на вид еще вполне приличный, рубашку с перламутровыми пуговицами и еще узкий атласный галстук в крапинку. Раз уж меня будут знакомить с кем-то нужным, то Привлекательность лучше по максимуму задрать. А пиджак еще давал небольшой бонус – на двадцать процентов снижал риск быть запачканным едой во время застолья, для детского праздника, насколько я понимаю, – это то, что нужно.

Но пока со мной никто не спешил свести знакомство, возможно, потому, что меня плотно оккупировали девчонки – я сдуру показал им, как можно играть в «ручеек», и вот уже второй час этот ручеек журчал под завывающую скрипочку, а я вынужден был бегать по нему, согнувшись, то за одной, то за другой хохочущей малявкой, ибо оказался у них, считай, единственным кавалером и отпускать меня было никак не можно. Я уже немножечко оглох, но тут, к счастью, с кухни внесли торт размером с тележное колесо – и на какое-то время я обрел свободу.

– Кстати, Алессандрос, мой друг, позволь представить тебе этого юношу. Не обманывайся его приличным видом, он всего лишь рыбак, но ты же знаешь, и рыбаком можно быть талантливым. Жемчуг на Лулушке – его добыча. Нимис, иди сюда и поклонись господину Катракосу – владельцу лучшего ресторана в нашем городе.

Я подошел и поклонился – что у меня, голова что ли отвалится?

– Я никогда не гнушался трудом, – сообщил мне господин Катракос таким басом, что непонятно было, как подобный голосище помещался в такой тщедушной грудной клетке. – Никогда! Я всегда говорил «нет труда зазорного, постыдна – только праздность!»

Ясно. Кажется, навык рыбалки в Альтрауме по престижности недалеко ушел от навыка мусорщика, если таковой имеется.

– Я сам стоял у плиты до последнего, уже обладая основой своего нынешнего капитала! Даже и сейчас для особенно почетных гостей я не погнушаюсь спуститься на кухню и лично проследить за выполнением заказа!

Я, как мог, выразил почтительное восхищение.

– Зайди в «Морские чудища», попроси повара Зилку, скажи, что тебя послал я, пусть он тебе даст список морских жителей, которых всегда купят на нашей кухне. Цен лучше моих на рынке – нет, я всегда говорил, что лишь плохой повар будет экономить на продуктах.

Я искренне поблагодарил ресторатора, после чего был утащен за рукав именинницей, круглая счастливая мордашка которой сияла восторгом и сливочным кремом. Под одобрительными, но цепкими взглядами тетушек и мамаш проклятый ручеек опять зажурчал.

Ресторан «Морские чудища» стоял на границе Золотого и Канцелярского кварталов – это было помпезнейшее трехэтажное сооружение из мрамора, меди и панелей в синюю и белую полосу, с бронзовыми огромными статуями у входа – кракен и кто-то со множеством глаз красиво душили друг друга щупальцами, образующими пышную арку над входом.

– Куда прешь? – ухватил меня за шиворот швейцар в полосатой ливрее.

– Господин Катракос меня послал – поговорить с поваром Зилкой.

– Ну так что через парадный вход-то прешься? С черного иди!

Черный ход, скрытый за полосатым забором, прямо скажем, пованивал – переполненные баки с рыбьими внутренностями загромождали узкий проход, по которому бесконечно тащили тюки, ящики и циновки, с которых капала вода.

Повар Зилка выслушал меня, после чего отловил умеющего писать официанта и битых полчаса диктовал тому, причем ни одно из произносимых слов мне знакомым не показалось.

– И не забудь, что кожистые яйца у матерого хаякуса сразу после вылова надо срезать, а кристальные – оставить, ясно? Ну, а если поймаешь что-то доселе никому не ведомое – тоже сюда носи, здесь разберутся.

Тут из кухни раздался грохот взрыва и поплыли клубы сизого дыма. Я на всякий случай упал на плиточный пол и попытался закатиться под тележку с грязными тарелками.

– «Отрыжка Агустоса», похоже, сегодня знатная выйдет – предупреди остальных, чтобы ее активнее гостям предлагали.

– Это Коибан на десертах сегодня?

– Ну а кто? Его же еще третьего дня из запоя вытащили.

Кажется, мне удалось приблизиться к здешней высокоуровневой кулинарии.

– Зилка, а сколько стоит у вас пообедать? – спросил я. Так. На всякий случай.

– На одно лицо, без вина если... ну, тысячи две-три, если по предлагаемому меню идти.

Блюда на заказ, конечно, будут дороже.

Приблизиться – и поспешно удалиться.

Обходя «Чудищ», увидел группу роскошно одетых неписей, которые, болтая и улыбаясь, входили в ресторан. Несколько дядек в париках и камзолах и стайка очаровательных дам. Одна, в пышнейшей юбке с кринолином, замешкалась, поднимаясь по ступенькам, подбирая свой бесконечный подол, обернулась через плечо.

Да не может быть! Неужели это Сиводушка?

Я, ни о чем не думая, припустил было за ней, но меня опять поймали за многострадальный воротник, понизив прочность пиджака еще на пару единиц.

– Да куда ж ты опять прешь?!

Криолин скрылся за широко распахнутой дверью. Хвоста, вроде, нет. Наверное, показалось. Откуда бы здесь быть лисичке? Она мне уже не первый раз мерещится – то ее личико выглянет из-за занавесок экипажа, то услышу издали переливчатый звонкий смех, похожий на щенячий лай...

Дома внимательно изучил список Зилки. Гафурфаны белые, дыхательный мешок плантиса, обида русалки, гигантский микроеж, зловонная пластунья ... кто все эти рыбы? И рыбы ли вообще?

Лукась прибыл, нагруженный пальмой, шестью подвязанными веревочкой чемоданами и двойной порцией обиды на весь окружающий мир. Порядки в отеле «Смех удава» не улучшили его настроения, а с Акимычем они вообще цапались круглосуточно и безостановочно с первого дня знакомства. Причем именно Акимыча я в этом винить мог меньше всего – он, например, безотказно поменялся с Лукасем комнатами, когда выяснилось, что западный сквозняк особенно вреден для лиц, страдающих радикулитом, он всячески пытался сдружить портье с прочим гостиничным персоналом, он вообще держался молотком и глотал шпильку за шпилькой и наезд за наездом, далеко заходя в своей терпеливости за ту границу, на которой взорвался бы любой нормальный человек. Но для Лукася, похоже, делом чести было допечь Акимыча.

Разыгравшаяся в тот вечер гроза разрядилась громами и молниями и в нашем доме. Все началось с того, что у Акимыча пригорела яичница и Лукась, разумеется, не смог не выразить недоумения по поводу того, что такие безнадежные во всех смыслах кулинары еще не вылетели с работы, впрочем, тот скорбный дом, который нанимает на работу всяческих акимычей, конечно, не заслуживает других поваров.

Это было особенно несправедливо потому, что яичницу Акимыч упустил, когда мы с ним передвигали в верхнем коридоре подальше от комнаты портье бельевой шкаф, скрипучие дверцы которого терроризировали чуткие нервы Лукася.

– Я вот реально тресну ему сейчас по башке сковородкой, – говорил мне Акимыч.

– Мне очень жаль, что твои так называемые друзья настолько не умеют держать себя в руках, – говорил мне Лукась.

– Акимыч, – сказал я. – Лукась – непись приличного уровня, и я видел, как он орудует метлой, положи сковородку, пока он тебя не зашиб.

– Лукась, – сказал я. – Ты не мог бы поменьше грызть Акимыча, он в конце концов для нас же с тобой эту яичницу пытался жарить.

– Господа, – сказал я, – Раз уж мы все живем вместе, давайте попробуем сыграть в игру «сохраним покой и тишину в этом доме!»

В это время небо сверкнуло, нас накрыло оглушающим громовым раскатом, а дом покачнулся и задрожал.

– По-моему, в дверь стучат, – сказал Лукась.

– Это гроза, debil, – ответил Акимыч.

Мы немного подискутировали на тему того, уместно ли взрослым воспитанным людям, живущим дружным коллективом, использовать термин «debil» в обращении к соседям и коллегам. В ходе дискуссии у меня создалось впечатление, что я – единственный, кто действительно переживает из-за их вечной ругани, а Лукась и Акимыч получают от нее не совсем понятное мне удовольствие.

В конце концов они таки пожали друг другу руки и мы уселись за ужин: горелая яичница, жареная рыба, чай. По крыше барабанил дождь, в залитых водой черных окнах метались искаженные пятна судовых огней на далеких мачтах.

– И все-таки в дверь стучали, – сказал Лукась.

– В этой игре есть слуховые аппараты? Если есть – кому-то срочно пора им обзавестись.

– Что такое «слуховой аппарат»?

– Машинка, которая улучшает слух.

– Есть такие. Медная трубка – в ухо вставляется. И я уже сто раз просил – вы можете исповедовать какую угодно религию, но прекратите называть мир «игрой». Иначе у меня возникает ощущение, что я сижу за столом с душевнобольными.

– Ладно, прости, – сказал миролюбивый Акимыч. – Просто я тебе уже сто раз объяснял, как этот мир устроен для нас.

– Если я начну распространяться, как этот мир устроен для МЕНЯ – вы оба ночью заснуть не сможете. И да, Нимис, если ты так и намерен держать нашего ночного визитера во дворе, то как бы он не утонул под таким ливнем.

– Да не стучал никто! Это гром был.

– Ты можешь быть сколь угодно плохим поваром, но я-то профессионал гостиничного дела. И если я говорю, что перед домом гость – значит, так оно и есть.

– Ладно, – сказал я. – Схожу посмотрю.

– Возьми кинжал и зонтик!

– У нас нет зонтика.

На улице были вода и мрак. Я выглянул из дверей, досадливо морщась под струями воды, стекающей за шиворот.

И тут в полосу оконного света выдвинулась фигурка. Вся мокрая, с лицом, залитым дождем.

Только ты можешь мне помочь! – сказала Сиводушка и разрыдалась.

Глава 4

Я провел Сиводушку в дом, усадил поближе к горячей плите, налил чаю и принес сверху одеяло. От предложения переодеться во что-нибудь мое, но зато сухое, она отказалась, хотя с ее атласов и шелков на пол текли целые лужи.

От всей души я надеялся, что нас сейчас оставят одних – Лукась ложился рано, да и Акимычу уже пора было укладывать своего перса баиньки и выкатываться в реал. Но оба паршивца явно не собирались покидать первых зрительских мест: устроились поудобнее в креслицах и поставили на огонь чайник.

Сиводушка все еще безутешно рыдала – и при этом умудрялась оставаться сказочно хорошенькой. Когда всхлипывания все-таки потихоньку начали сменяться хлюпаньем чая, я попытался выяснить что стряслось.

Сиводушка глубоко вздохнула. Подняла руку, и с ее ладонки мне в лицо полетело что-то сияющее.

Мама дорогая...

«История Сиводушки. Пригласите трех друзей в группу и выслушайте историю Сиводушки. Срок исполнения – три часа»

Квестовая табличка сияла золотом, я поспешно принял квест и огляделся. Ну, что далеко ходить...

Приглашение в группу Акимычу. Предложение принять квест.

Приглашение в группу Лукасю. А неписи могут принимать квест? Могут.

– О! – хором сказали оба.

– Нужен еще кто-то третий.

– Я могу быстро сбегать за Баро....

– Это тот, который тарелками из окон кидается? Да нет, пожалуй, не стоит. Есть у меня одна идея... погодите.

Дождь уже превратился в умеренное накрапывание, но к кварталу Всякой Всячины я добежал мокрым, какмышь. Вероятнее всего, она не в игре... хотя кто знает. Из-под прилавка в «предприятии» предательски выглядывал краешек складной кровати, Ева явно живет тут и, может, все еще бодрствует – игрок она, судя по всему, хардкорный. И все-таки это безобразие – ходить с таким ником, даже написать ей нельзя. А свет-то из-за ставни пробивается.

– Что тебе надо? – на стук из-за двери показалась традиционно злая Ева.

– Хочешь со мной и еще парой ребят взять золотой квест?

– Врешь, да?

Я кинул ей приглашение в группу, которое она с кислым видом приняла, после чего поделился с ней квестом.

– Ты очень глупый, да?

– Почему? То есть, я не настаиваю на том, что я умный, но сейчас -то что?

– Золотой полностью выполненный квест на малую группу приносит каждому участнику в среднем около двухсот тысяч золота, не говоря уж о дополнительных бонусах. И продать приглашение на него за семнадцать-восемнадцать тысяч долларов – это дело десяти минут на любом форуме.

Я мысленно поперхнулся, разрыдался, проклял себя за глупость, но внешне, надеюсь, ничего такого не продемонстрировал.

– Ладно, – сказала Ева. – Я все равно буду считать тебя кретином, но раз уж ты поделился этим квестом со мной, то я обязуюсь сделать все, чтобы наша группа его выполнила. Все, от меня зависящее. И независящее. Что такое Сиводушка и где оно находится?

Платье, юбки, нижние юбки и прочая амуниция Сиводушки были развешаны по всему дому, а сама девушка сидела в халате Лукася и в любимых войлочных ботиках Лукася, она смеялась, слушая знаменитую историю Акимыча про Баро и пивную пену.

– Ты не перестаешь меня поражать, – сказала Ева. – У тебя в квестовой команде – непись?! Ты вообще в здравом рассудке?

– Всем привет, это Ева-Марголажа, она будет с нами на этом квесте.

– Малгожата!

– Да, Магло... Ева!

– Ты вообще знаешь, что предложенный квест – уже нельзя забрать обратно? Почему у нас в группе -непись?

– А в чем дело-то? – спросил Акимыч. – У тебя предубеждения какие-то?

– Даже не знаю с чего начать... С того, что неписи – это не люди? С того, что они неуправляемы, непредсказуемы, тупы, запрограммированы, примитивны, не способны к самостоятельному мышлению... Впрочем, тут явно не один только непись с подобными проблемами. Ладно, сделанного не воротишь.

Лукась не выглядел особенно обиженным, но я все-таки извинился перед ним и попросил Еву по возможности удержаться от расистских..ну или каких там еще в этом случае высказываний.

Она презрительно пожала острыми плечами, но промолчала.

– Вот, Сиви, я собрал людей, как ты просила. Расскажи, пожалуйста, что с тобой случилось.

Мордочка Сиводушки опять сделалась печальной-препечальной, она изящно сморщила носик и всхлипнула.

– У меня украли бабушку!

По словам Сиводушки, во время приснопамятной битвы за Стрижиный Обрыв бабушка неосторожно «проявляла себя», чтобы это ни значило, и с небес ее заметили какие-то злые духи, или люди, которые вскоре пришли под обрыв, провели ритуал и заставили бабушку им показаться, после чего похитили старушку.

– И если за год ее не вернуть, все мои сестренки, братики, родные – потеряют память и превратятся в обычных лис! Они уже сейчас мало что помнят и бегают в зверином обличье по лесам! Только бабушка могла держать их память, она же глава рода!

– Ты тоже превратишься?

– Я – нет. Я унаследовала бабушкин дар. Но я пока ничего не умею, мне и ста лет, и хвост у меня всего-навсего один! Я ходила по миру, очаровывала самых сильных и славных мужчин, просила их мне помочь. Но они все отказывались! Они боялись! Они говорили, что с этим делом справятся только блуждающие души!

– Кто такие «блуждающие души»?!

– Это мы, – сказала Ева. – Игроки. Узнаю эту терминологию...

– А на блуждающих душ мои чары не действуют! Только на тебя, ты один им уступил!

– Сиви, – сказал Акимыч, – я тебя уверяю, подойди к любому блуждающему, кинь ему такую золотую квестовую табличку – и он моментом очаруется так, что мало не покажется!

– Я не могу! Я могу просить только того, кто находится во власти моих любовных чар!

– Я не уверен, что я под ними нахожусь, – сказал я. – Ты мне просто так, сама по себе очень нравишься.

– Он уверен, – быстро сказала Ева. – Он тобой по самые кости всемерно очарован, влюблен и безумен! Настолько очарован, что сейчас немедленно заткнется от чувств и больше не будет молоть языком, портя квест!

– А мне вот интересно, – сказал Лукась. – допустим, мы найдем похитителей и спасем бабушку. Что помешает похитителям снова провести этот самый ритуал и опять бабушку украсть?

– Бабушка сменит истинное имя, тогда они не сумеют больше узнать ее.

– Ну, вот и славно, – сказала Ева. – Сиводушка, мы готовы тебе помочь!

– Да! – сказал я. – Конечно!

– Без вопросов! – поддержал Акимыч.

– Ладно, – сказал Лукась. – Хотя это все – безрассудная авантюра, которая завершится полным фиаско.

Золотая табличка всплыла и мигнула. Текст на ней поменялся.

«История Сиводушки. Найдите и спасите бабушку Сиводушки, девятихвостую лису Белогрудку. Срок исполнения – 2 месяца 17 дней».

Ева придирчиво расспрашивала Сиводушку о месте расположения Стрижиного Обрыва, о подробностях битвы, о том, что Сиводушка могла видеть и заметить. В реале она, наверное, была следователем. А я чихал. Сперва тихо и редко, потом часто и так громко, что стекла звенели. Прогулки под дождем сделали свое дело – на моих жизнях красовался дебафф сильной простуды. Все мое сопротивление холоду оказалось бессильным, хотя, может, тут нужно было сопротивление воде?

– Так невозможно работать! – поморщилась Ева после очередной канонады. Она порылась в инвентаре и протянула мне пузырек с чем-то красным. – Выпей. Но учти, это сильное снотворное, потом тебя на час вырубит.

«Сонная малина. Снимает травмы простудных болезней.»

– А ты аптекарь? – слегка заволновался Лукась.

– Я – алхимик! Нимис, вылакай это и уйди куда-нибудь отсыпаться, от тебя сейчас все равно никакого толку.

Я выпил содержимое пузырька – оно оказалось ну очень малиновым – и едва добрался до постели, как отрубился.

Проснулся я, когда дождь уже закончился и обе луны пронзительно сияли в окно. Снизу раздавались голоса.

– А где Сиводушка? – спросил я, оглядев компанию в столовой.

– Наревелась и спать пошла в мою комнату, – сказал Акимыч. – Так что я у тебя ночую. Но ты не парься, одеяла какие-нибудь кинем, я на полу перекантуюсь, все равно же в реал выхожу.

– Хорошо, – сказала Ева. – Итак, план действий у нас следующий. Сейчас все, кто могут выходить из игры – тут она кинула суровый взгляд на Лукася, – выходят, и начинают шерстить интернет по запросам «квест на девятихвостую лису», «таосаньские квесты с лисами», «поймали лису» и тому подобное. Все, что находим, фиксируем и изучаем. Любые крохи информации бесценны. Жаль, что у нас так мало активных языков, так что не стесняйтесь пользоваться переводчиками... хотя автопереводы с китайского...эх... Марс уже заселили, а с проклятием вавилонской башни все разобраться не умеем.

– Ребят, – сказал я. – Тут такое дело. Раз уж мы вместе будем сейчас работать, то я должен вам кое-что сказать.

– Если ты о том, что ты не можешь из игры выйти, – то мы знаем. – сообщила Ева.

— А как вы узнали?

– Сиводушка сказала.

– А я и так знал, – сказал Акимыч. – Я же не слепой и не тупой, вижу, что ты тут круглосуточно.

– И я знал, – сказал Лукась. – Ты не прыгал, как прочие попрыгунчики, а достойно спал всегда в своей постели, как полагается приличному человеку.

– Ты в криокоме или просто на жизнеобеспечении? – спросила Ева.

– В криокоме.

– Сурово. И сколько тебе лет в реальности? Сто?

– Скоро девятнадцать исполнится.

– Матка боска Ченстоховска! Я сожалею.

– А мне двадцать два, – сказал Акимыч.

– Мне двадцать шесть, – сказала Ева. – И я как раз на жизнеобеспечении. Нет-нет, ничего такого, я здорова. Это добровольное осмысленное решение. И выйти я могу – просто это дольше и сложнее, чем обычно, мне запрос надо послать, и еще эти катетеры с питанием – бррр.... Но сейчас я выйду.

– А так можно – на жизнеобеспечении без медицинских оснований?

– У вас, наверное, нельзя, а у нас – свобода. Lesto-хостелов в Варшаве не один десяток. Это в конечном счете выгоднее и удобнее, чем капсульные центры, и безопаснее – круглосуточный медицинский контроль все же. Да и нормально играть, когда тебя то и дело по таймеру выкидывает – невозможно.

– Тяжело вам, попрыгунчикам, – сказал Лукась. – Слава Амалее и всем богам, что я – нормальный человек.

– Ты вообще не человек, а программа, – отрезала Ева.

– А вы кто?

– А мы – люди!

– А вы откуда знаете?

– Мы, кстати, точно и не знаем, – быстро сказал я. – Не исключено, что мы – тоже. И ты, Ева, как католичка, особенно должна это понимать.

– Я вообще-то агностик! Но твои представления о христианской теологии кошмарны. Мы – люди, потому что у нас есть свобода воли, а согласно всем религиям – и бессмертная душа. А неписи – искусственный интеллект с предопределенными действиями. Хотя, конечно, многие протестанты верят в Предопределение тоже.

– А у меня что, душа смертная что ли? Я тоже бессмертен, и еще бессмертнее вас!

– Вообще-то Лукась прав, – сказал Акимыч. – Когда непись умирает, его ИИ достается другому персонажу.

– И что, вы помните свои прошлые жизни!?

– Ну так, – скривился Лукась. – Урывками. Я вообще юная душа, жил до этого воплощения только один раз, был младенцем где-то в Антии. Помер от глистов.

– Не понимаю, сказал я. – Тебе на вид лет тридцать, а Альтраум создали гораздо позже.

– Нашему миру – сто девяносто семь тысяч лет! Именно тогда Безымянный Первобог снес яйцо мира в океан вечности!

– У них внедренные воспоминания. Когда нужно быстро заселить территорию, неписи сразу взрослыми появляются, с ложной памятью. А если спешки нет, то рождаются и растут обычным порядком.

– Так, – сказала Ева. – предлагаю философские вопросы пока отставить и заняться тем, что я сказала. Нимис и ты... ну, на вас пока присмотр за этой лисой, пожалуйста, не напортите ничего, не сорвите квест! Встречаемся через, допустим, шесть часов здесь.

– Я спать хочу ужасно, – сказал Акимыч. – С утра на ногах. На спине, то есть. Может, сперва выспимся? Потом мне тут на работу, а вечером встретимся.

– Думаю, – сказал Лукась, – раз мы взялись за эту историю, то с работы придется увольняться. Золотые вызовы судьбы требуют очень много времени.

– Непись прав. Все, что будет мешать квесту, сейчас нужно отменить. Я закрою свое торговое предприятие, а вы – увольняйтесь, где бы вы там ни работали. Времени у нас немного.

– Я – рыбак – сказал я. – Я нигде не работаю. Но времени у нас еще меньше, чем вы думаете.

Взял – и рассказал им всю свою историю подробно. И про мою болезнь, и про маму, и про суд, и про деньги.

– Ясно, – сказала тридцать четвертая. – Что же, значит, квест нужно сделать по возможности быстрее. Сколько у тебя дней еще оплачено?

– Вчера как раз перевел на счет все, что накопилось – месяц и двенадцать дней.

– Ладно. Тогда план усложняется. Сегодня днем, когда все выспятся и отдохнут, мы встречаемся, и, кроме всего прочего, я изучаю все, на что вы способны – будем выстраивать стратегию быстрого набора финансовых средств – для квеста они тоже понадобятся. Хотя если бы кое-кто не раскидывался золотыми квестами на всяких неписей, то мы бы сейчас продали свободное место и оплатили твой счет на полгода вперед. В качестве первого шага... у вас сколько комнат тут?

– Три спальни еще наверху.

– Одну отдадите мне, я сдам в аренду свое предприятие, буду выплачивать долю за жилье. Это, конечно, немного, но все таки. И зато вы у меня тут всегда будете под рукой. Лиса, насколько я понимаю, тоже будет при нас ошиваться, так что бросайте жребий и решайте, кто будет спать здесь – на диване и на полу.

– Да чего там бросать, – вздохнул я, и мы с Акимычем понимающе переглянулись.

– Алхимический стол этот продашь, у меня круче.

– Не могу. Это собственность владельца дома.

– Тогда вынесите его в сарай.

– В конюшне места для твоих волов нет, – сказал я. – Там все забито ослами.

– Волон я продала, есть лошадь, но она в городских конюшнях. Ладно, разместимся как-нибудь. В общем, в 14.00 по варшавскому времени встречаемся здесь – попрошу никого не опаздывать! И да, насчет интернета не забываем – кто в кондиции, конечно. Хоть какие-то намеки мы там найти должны!

Я вписал Еву в список полноправных жильцов дома и перетащил свои вещи в столовую. Акимыч самоотверженно уступил мне диван, но не уверен, что его жертва была так уж разумна – он хотя бы при его компактности мог уместиться на нем целиком, а мне пришлось засыпать с ногами, задранными на диванный поручень. Так что, пострадав полчаса, я тоже перебрался на пол и только там смог, наконец, растянуться во весь рост и отрубиться.

Впрочем, слишком уж хорошо выспаться мне не дали – вскоре после рассвета появилась Ева с повозкой, набитой всяким хламом, и я два часа помогал ей таскать в дом ее алхимические приبلуды, тряпки, тюки с сырьем и связки книжек, на которые, впрочем, поглядывал вполне плотоядно. А потом мы все расставляли, развешивали, прибавали и распахивали. Столовая прямо преобразилась: новый алхимический стол занимал всю заднюю стену, строгие занавески в тюремную клеточку скрывали наши тайны от взглядов с улицы, а свежешпешенные книжные полки приняли на борт несколько десятков потрепанных соблазнительных томиков.

– Кстати, – сказала Ева, – возможно, тебе мое предложение покажется некорректным, но ты не думал о том, что на твой счет пожертвования может не только мама собирать? У нас вашим не то, чтобы охотно помогают, скажем, но у тебя история – реально драматичная. Бомба! Токсичное родительство, гиперопекающая мать, хищные корпорации... это продается! У меня есть... еще остались связи в журналистских кругах, можно было бы слепить из тебя

такую конфетку – глядишь, и забыл бы о больничных счетах. А то и с Lesto при такой огласке можно было бы выбить бесплатное содержание.

– Нет, – ответил я. – Пожалуйста, я очень прошу – ничего такого не делай!

– Понимаю, – подумав, сказала Ева. – Это глупое и недальновидное решение, но оно твое – и я тебя понимаю. Я, знаешь, тоже большой специалист по подобным глупостям.

Я хотел было спросить, что в ее случае было глупостями, но нас прервал вход в игру Акимыча, он вывалился прямо на алхимический стол, ибо засыпал накануне как раз на том месте, куда мы этот стол запихнули. И разгром, сотворенный Акимычем в алхимическом хозяйстве, надолго отвлек Еву от любых других тем.

Глава 5

Лукась и Акимыч, получив расчет в «Удаве», купили на обратном пути масла и печенья, так что относительно приличный и не очень рыбный завтрак для Сиводушки я организовать сумел. Платыща ее все высохли, и с утра она опять была очень нарядной.

Под ледяным взглядом Евы я устроил лисичку поудобнее, принес ей скамеечку для ног и позаботился о том, чтобы Сиви не продуло из окна – день был свежий, и самое щелястое место на раме я забил подушкой.

– Нимис, будь добр, помоги пожалуйста в конюшне! – позвала меня Ева.

Не знаю, кому и чем можно помочь в нашей конюшне – ослы и сами отлично справлялись с поеданием сена, а навоз оттуда еще вчера отправил в компостный ящик Лукась, но я пошел.

– Ты особо-то не увлекайся, – сказала Ева. – Я знаю, что у тебя мозги не в порядке, но еще не хватало, чтобы ты втюрился в скрипт. Я предпочитаю, чтобы у тех, с кем я делаю сложный квест, хоть какая-то ясность мышления оставалась.

– Ты же сама сказала: Сиводушка должна видеть, что я – под ее чарами.

– Она пусть видит, что угодно, но всем остальным неуютно видеть твои слюни до пола. Хочется тебя встряхнуть и надавать по затылку. Ты понимаешь, что это – даже не непись с какими-то зачатками сознания? Это просто скрипт, бот, моб, кусок программного кода!

– С чего ты взяла?

– Ох, Нимис! У нее же сложность поведения – как у индюка в стартовой локации! Она – чистый моб со стопроцентно прописанным сюжетом, никакого собственного искусственного интеллекта, просто картинка движущаяся.

– По-моему, ты к ней несправедлива, – сказал я.

– А по-моему, ты сейчас добьешься невозможного: я стану думать о мужиках еще хуже, чем раньше! Хотя ладно, делай что хочешь. Я просто предупредила. И да – зачем ты ей дал полный доступ к дому? Сделай гостевой. Еще не хватало, чтобы она рылась по нашим шкафам и ящикам – этот твой непись обыскался сегодня свои серебряные запонки.

– Ну что ты такое говоришь! Зачем Сиви – лукасевские запонки?

– Она – лиса. Лисы – воруют. Это суть лис!

– Ну не запонки же!

– А никто не знает, куда делся чай? – спросил Акимыч с крыльца. – Еще вчера было полжестянки, а сейчас там ни чаинки.

– Даже не думай обвинять Сиви и в этом, – строго сказал я Еве и пошел в лавку за чаем. До совещания оставалось четверть часа, а еще надо было собраться с мыслями в тишине – как зачинщику квеста мне, наверное, положено выдвинуть какой-то план действий, но в голове было как-то особенно пусто.

Впрочем, бразды правления тут же забрала Ева, которая, видимо, никаких планов ни от кого не ждала.

– К сожалению, информации о лисьих квестах в игре много. Этих квестов – тысячи. На Таосань лисы слишком популярны, чтобы было возможно выделить что-то полезное из того вороха бредятины, который выпадает при поиске. Поэтому сегодня мы отправимся в таосаньское торговое представительство и попытаемся пообщаться с тамошними специалистами по мистическим сущностям.

– А с чего мы вообще взяли, что Сиводушка имеет отношение к Таосань? Она из Беловодья, это наш континент.

– Многохвостые лисы-оборотни – это чисто азиатская фишка. А твое Беловодье, между прочим... ты на карту мира хоть когда-нибудь смотрел? Так, запишем пунктом первым –

купить в дом нормальную карту мира... Беловодье – это самый восточный кусок Трансильвии, он с Таосань граничит через небольшой пролив, который даже на бревне переплыть можно. А учитывая горы, которыми Беловодье отделено от остальной Трансильвии, не приходится удивляться тому, что Беловодье – в постоянных контактах с соседями и под сильным влиянием таосаньской культуры, там даже боги, говорят, таосаньские .

– А боги что, разные на разных материках?

– В общем, да. У нас с Риверрой общие боги, у Таосань – свой пантеон, а в Антии вообще богов больше, чем собак, почти у любой деревни личный божок имеется. Так что пишем: таосаньское представительство, пагода Спокойствия, получить консультацию. Идем все вместе – мало ли, может, квест отреагирует. Если дело не выгорит, пойдем другим путем... подумаем каким. Теперь по деньгам и по вашей физической кондиции. Нам нужно ходить качаться, золотые квесты на двадцатых уровнях не проходятся, непременно понадобятся развитые, хорошо одетые персонажи. С фехтовальщиком все понятно... Лукась и Нимис! Что вы умеете в бою? Лечить, танковать?

–Я никуда воевать ходить не буду, – сказал Лукась. – Мне это воплощение нравится, я помирать не собираюсь. Это вам сдохнуть и воскреснуть, как на горшок сходить, а я – человек мирный.

– А я ничего не могу, – сказал я. – У меня класс поломанный. Силы нет, боевых скиллов нет.

Ева застонала, закатив глаза.

– Оба, быстро! Открыли мне свои параметры! Смотрите на меня, на значок у ника, открылась панель? Выбирайте – «открыться игроку»! Акимыч, тебя это тоже касается... лиса,...а, ну ты, наверное, этого не сможешь.

Следующий час прошел странно. Мы сидели, пили чай и грызли печенье с маслом, а Ева, бормоча «какой кошмар!» и «это что еще за хрень?!» яростно корябала пером листы бумаги.

– Над этим я пока буду думать, – наконец сказала она, помахав исписанной стопкой. – Нимис, прости, ты где так рыбалку задрал?! Невероятно, ты мастер рыболовного искусства! И ты жалуешься, что денег нет?! Вообще твои параметры – это нечто запредельное, такого кривого и невозможного персонажа я в жизни не видела! Что с холодом?! Религия?? Как?! Нет...я долго буду думать над этим.

Имя

Нимис Динкан

Раса Беловодец

Класс Лесная Ведьма

Уровень 25

До следующего уровня 7 900 очков

Жизнь 150

Параметры

Альпинизм 1

Бег 8

Благородство 2

Броня 12

Взлом замков 7

Внимательность 12

Выносливость 7

Дух 2

Интеллект 2

Ловкость 18
Любезность 2
Любопытство 1
Милосердие 1
Мудрость 2
Наблюдательность 9 (6+3)
Настойчивость 2
Плавание 6
Привлекательность 29(0+29)
Прыжки 13
Регенерация 6
Скорость 5
Сопротивление страху 2
Сопротивление холоду 71
Стойкость 21
Терпеливость 23
Харизма 3 (0+3)
Хитрость 4
Удача 4

Навыки

Боевые
Сглаз
Приворот
Упрямство
Настырность
Узелки (способности «Узелок простой березовый». «Узелок одинарный ольховый» «Узелок плетеный рябиновый» «Узелок скрытый лещинный»)
Куколки (способности «Малая злая куколка»)

Небоевые
Грузоперевозки 1
Кулинария 25 (способности «Особый аромат»)
Мореходство 9
Огородничество 2
Религиозное служение 3 (способности «Создание малого алтаря». «Малая проповедь»)
Рыбалка 102 (87+15) (способности «Ловля на червя». «Разделка рыбы» «Ловля на тесто» «Ловля на живца», «Изготовление наживки из рыбы», «Изготовление наживки из мяса», «Ночной мастер», «Дневной мастер», «Еще один старый башмак!» «Игра по-крупному», «Прикормка» «Ловля жемчуга»)
Травничество 7
Адепт Амалеи
Адепт Нейдона»

– Хорошо, сейчас мы все отправляемся в представительство. Все, что можно на харизму, привлекательность, почтение – на себя цепляем!

–...строимся парами... – пробурчал Акимыч, но утих под суровым взглядом Евы.

Сиводушка легко семенила рядом с мной, насколько позволял кринолин, искоса поглядывала через челочку, улыбалась. Скрипт? Кусок программного кода? Просто некоторые женщины терпеть не могут красивых девушек. Вот у Евы даже персонаж был... ну, такой. Наверное, очень похоже с реальной внешности сделанный. Длинный сутулый Лукась горбился над маленьким Акимычем, как цапля над лягушкой, по дороге они опять, похоже, цапались, но вполголоса, стараясь не привлекать к себе внимание нашего польского фельдфебеля. Ева решительно маршировала впереди.

Таосанское торговое представительство, о существовании которого я до сих пор и не догадывался, радовало глаз. Оно располагалось в пригороде и занимало собою чуть не целый квартал – обнесенное невысокой стеной из красного могучего бамбука оно утопало в зелени, из которой виднелись крыши пагод и павильонов. Появлялось все больше игроков с явно азиатской внешностью и иногда иероглифами в нике. На Еву они пальцами не показывали – видимо, ее иероглифы были подобраны с умом и толком.

Мы прошли по тенистой дорожке, горбатуму красному мостику, еще по дорожке, еще по мостику... Большое такое представительство и очень все в национальном колорите. Большие оранжевые рыбы укоризненно глядели на меня из воды под очередным мостиком, и я старательно подавил соблазн достать удочку.

Пагода Спокойствия располагалась перед высокими воротами, стоящими сами по себе. Львы и бесенята на ее крыше были, кажется, живыми – ворочались, били друг друга хвостами и тянули за усы.

– Прошу аудиенции у мудрейшего! – сказала Ева, встав на покрашенный желтым круг под воротами и жестом пригласив нас занять место рядом. Несколько секунд ничего не происходило, а потом мир по периметру круга завертелся, расплылся полосами, растекся в кляксы – у меня и голова закружилась. Вращение замедлилось, все посерело, потом пошло пятнами – и вот мы уже стоим на полу в зале, а перед нами на циновке сидит человек в квадратной бордовой шапочке и при очень длинных усах, делающих его похожим на одну из тех оранжевых рыб. Чжао Юй, настоятель.

– Зачем приведена нечисть в это чистое место? – строго сказал Чжао Юй.

Понять, кого из нас он имел в виду, было нетрудно: Сиводушка вся задрожала и замерла, согнувшись в изящной позе и прикрыв лицо длинным пальцами.

– Здравствуйтесь, – сказала Ева. – Мы как раз на консультацию по поводу вышеуказанной нечисти.

– Ходя по миру людей, они пожирают людские сердца и пьют жизненную силу из неосторожных.

– Безусловно! Поэтому нам бы очень хотелось знать – как нам вернуть данной конкретной нечисти ее похищенную бабушку – девятихвостую лису Белогрудку и, таким образом, дать нечисти возможность покинуть мир людей и восстановить общественный порядок.

– Тысячелетние лисы – великое зло.

– Да, и это великое зло кто-то украл и теперь творит с его помощью, не исключено, какую-то гадость. Нарушая гармонию неба и так далее.

Чжао Юй погладил правый ус пальцем.

– Сила тысячелетних лис велика, но у них есть слабое место – их истинное имя. Такое имя лиса могла открыть только своему любовнику: любострастие лисиц безмерно и в горячке похоти они теряют осторожность.

– Данная нечисть сообщила нам, что «проявление себя» было допущено старой лисой во время битвы.

– Что же, это возможно, – кивнул настоятель. – Страсть похоти и страсть ярости – одного корня. Покажите мне эту битву!

Все посмотрели на меня.

– А как? – глупо спросил я.

Настоятель расхохотался, а потом сунул руку за спину, достал оттуда маленькую бархатную подушечку и вдруг неожиданно и с такой силой швырнул ее мне в лицо, что уклониться я не успел, и неожиданно тяжелая подушка долбанула меня по роже.

Дым мертвого сумрака тек над темной землей, воин в черном рогатом шлеме, озаренный ледяным светом луны, двумя руками поднял к небу огромный меч. Смоляные тени визжали и дергались к нему из пелены мрака, но воин начал свой танец. Левый шаг -и летят мертвые головы, рассыпаясь пеплом, правый шаг и поворот, уклонение, насмешка, вихрь ударов, крики ярости, смех уничтожения.

Две женщины. Одна бесконечно прекрасна, она – воплощенная мечта, ее черные косы летят по ветру тысячью змей, ее нагое тело сияет луной. Вторая перед ней – как малое дитя, бьется под белой пятой, кусает острыми зубами за икру. Я – Хохон, я победитель! Я вечный раб, я проклят, я пуст внутри и только горький ветер наполняет меня.

Черный воин отбрасывает почти убитую лису и приставляет меч к обнаженной белой груди. На фоне луны – мельтешение крыльев.

– Ты не причинишь мне вреда. Я – хозяйка тысячи сердец.

Но у меня нет сердца, века за веками мою грудь наполняет только горький ветер. Я совершаю последние движения танца, меч рассекает белую грудь -и ни капли крови не льется из нее, лишь прах и пепел, пепел и прах..

– Обалдеть! – простонал Акимыч.

– Спасибо, настоятель. – это уже Ева. – Мы увидели похитителей и узнаем их.

– Не спешите, о неразумные! Великой несправедливости стали свидетелями мои глаза. И эту несправедливость нужно исправить!

Я только начал со стоном подниматься с пола, как в меня опять прилетело – на этот раз квестовая табличка.

«История Сиводушки»

Но что с цветом таблички? Почему она вся прозрачная и фиолетовая?

« Найдите и спасите бабушку Сиводушки, девятихвостую лису Белогрудку. В награду за спасение потребуйте у Белогрудки артефакт, хранящий душу владыки Хохена, и принесите его настоятелю Чжао Юю. Срок исполнения – 2 месяца 16 дней»

– Держите меня семеро! – взвыл Акимыч. – Квест стал топазовым! Эпическим! На четверых! Боги, как круто!

Ева поклонилась настоятелю.

– Мы с радостью выполним ваше поручение, мудрейший! Нет ли у вас советов или пожеланий нам на долгий путь?

– Нет, – сказал настоятель и исчез, только на циновке заколыхалось маленькое бордовое перышко, которое Ева бережно подобрала и положила в инвентарь.

– Не понимаю, как ты догадалась, что нужно идти сюда, к этому настоятелю? – спросил Акимыч, когда мы вышли из пагоды.

– И ты бы догадался, если бы, как тебя просили, изучил в сети информацию по лисам. Там почти все квесты, даже самые простенькие – на связке «лисы против каких-нибудь таосанских священнослужителей», монахов и так далее. В Мантисе единственный таосанский религиозный деятель – здесь. Сложи два плюс два и получишь результат.

– Все равно, это реально какой-то чит – уметь так сообразать!

Ева хмыкнула, как мне показалось, с довольным видом.

– Предлагаю на улице не трепаться, нам не нужно чужих ушей. Идем домой и дома все обсуждаем. Нимис, у тебя там лиса захромала, что у нее?

– У нее каблучок отломился!

– Зайди в лавку секонд-хенда и купи для нее какие-нибудь тряпки попроще, а то с этими каблуками и кринолинами из-за нее в доме повернуться негде.

Ни в какой «секонд-хэнд» мы не пошли, на оставшиеся у меня на игровом счете пару сотен золотых мы с Сиви купили очень милое короткое платье, курточку и туфельки. И, кажется, еще и белье – но я не смотрел.

– Итак, – сказала Ева, когда мы все опять собрались в столовой. – Мы знаем, кто видел бабушку в истинном виде.

– Всадники на летающих львах с ореолом патруля – сказал Лукась.

– А я ничего не заметил – виновато сказал Акимыч.

– А я был мертвым рыцарем и махал мечом, мне не до того было.

– Непись, тебе плюс за наблюдательность, остальным, соответственно, жирный минус.

Да, минимум двое всадников на маркольвах в пузырях патрульных.

– Что такое «пузырь патрульных»? -спросил я.

– Бафф. Вообще он при охране замков нормально работает, но при любом клановом доме может иметься столб активации – на десять минут скорость полета втрое увеличивается. Так что наша первая задача, розыск похитителей, сводится к элементарным действиям. Найти клан, удовлетворяющий двум условиям: у них есть недвижимое в Развиле или где-то очень рядом и имеются хотя бы два маркольва. Конечно, львы уже не такой раритет, как лет пять назад, но все-таки дорогая и редкая штука, это вам не нетопырь какой-нибудь жалкий и не чаечка. И кланы, которые имеют подобных зверушек и при этом – недвигу в такой дыре как Развил... не думаю, что вариантов будет много.

– Я знаю клан, у которого есть два льва и которые точно бывают иногда около Развила, – сказал я. – Ева, чтобы к голубю не бегать, у тебя же есть почтовый ящик? Позволь, я письмо одному друиду отправлю. И одной девушке еще.

Виолетта мне не ответила, а от ДайДубу письмо пришло сразу же.

«Еще не сменил класс? Ну, может, ты и выиграешь наш спор. У фиолетычей тут недвига приличная: их первый клановый дом тут. Основное-то гнездо у них давно в Ноблисе, но в Радомеже у них осталась куча наглых и подлых интересов, так что они здешнюю хибару пока за собой оставили».

– Ну что же, – сказала Ева. – Теперь мы знаем, кто спер бабушку.

Глава 6

На обед было печенье с маслом и остатки жареной осетрины из моего инвентаря.

– Безобразие. – сказал Лукась. – В доме два как бы повара, а мы портим пищеварение вот этим. Вы вообще задумывались когда-нибудь о том, что без регулярного потребления супа кишечник не будет работать удовлетворительно?

– А когда нам готовить? – огрызнулся Акимыч. – Я бы, знаешь, с радостью качался, но мне нужно по китайским монастырям бегать.

– Как-нибудь соберитесь вдвоем и наготовьте еды сразу на месяц вперед.

– И таскать ее потом на своем горбу? Холодильных ларей в доме нет!

– Вообще, – сказала Ева, – у меня есть две торговые палатки, в них еда не портится. Можно пока поставить их во дворе и все запихивать туда.

– У меня тоже одна есть. Но они же будут все время верещать. Даже если им не задавать рекламные тексты, будут просто по дефолту орать «подходи-покупай!».

– Мы с Евой знаем способ решить это вопрос, – сказал я. – Им просто кляп засовываешь в пасть, и молчат, как миленькие.

– Давайте все же сконцентрируем наши мысленные усилия на действительно важных вещах. – сказала Ева. – нам нужно выработать алгоритм действий.

Мы все уставились на нее.

– Мы решили считать, что искомый объект находится в руках клана «Глубоко фиолетово». Есть крошечная вероятность того, что похититель -кто-то другой, но это вряд ли: игра дала нам подсказку, нам показали момент, приведший к похищению, и ..нет, я практически уверена, что мы не ошибаемся. Но все-таки хорошо было бы получить список всех кланов, имеющих недвижимость в Развиле и в самых ближних к нему деревнях – чтобы полностью снять сомнения. Нимис, твои развильские друзья могут нам в этом помочь?

– Наша дружба заключалась в том, что они меня похитили и продержали ночь в камере, а потом выставили взашей, – сказал я.

– Нормально, –сказал Акимыч. – Дружба обычно как раз с чего-то такого и начинается.

– Вообще список всех владельцев городской недвижимости любой желающий может получить в ратуше Развила, – сказал Лукась, намазывая рыбу маслом, и посыпая ее печеньем. – А деревень прямо у Развила никаких и нет, там ближайшие – верст за тридцать, молока свежего не купить.

– О! Это важная информация, спасибо, непись!

– Пожалуйста, попрыгунчик! Если надо – мой кузен может сделать запрос, если мы ему денег на этот запрос пошлем, плюс сверху за пиво.

– Надо! Считай это своим первым поручением. Но это, как я сказала, формальность, чтобы снять сомнения. Теперь к «Глубоко фиолетово». Вопрос – зачем им лиса? Сиводушка, каковы твои версии – зачем людям могла понадобиться твоя бабушка? Они из нее горжетку хотят сшить или что?

– Не знаю, – сказала Сиводушка. – Возможно, они были пленены ее красотой и мудростью.

– Что-то я сомневаюсь. Серьезные кланы очень хорошо умеют работать с информацией и хранить ее от посторонних -видимо, что-то они о таких, как твоя бабушка, знали. У нормального клана библиотека в тысячу томов – не редкость, они тайны мира коллекционируют.

– Слушайте, – сказал я. – А ты, Сиви, говорила, что твоя бабушка помогает всей семье хранить память рода, да? Что это такое?

– Когда она рядом, они не забывают свою суть.

– Возможно, наша бабушка умеет давать крутые баффы на интеллект, дух или что-то подобное, – объяснил я.

– Да, – согласилась Ева, – это похоже на правду, я и сама в этом ключе думала. А это значит что? Это значит, что такого баффера они точно привезут в свой основной клановый дом – туда, где они чаще всего собираются и где больше всего членов клана бывает. То есть, мы должны предполагать, что старая лиса – где-то в Ноблисе. Стало быть, нам нужно в Ноблис. У кого есть туда привязка на портале, кто может туда прыгать?

– У Акимыча должны быть, – сказал я.

– Не, – вздохнул Акимыч. – Я до квартала с порталами так и не дошел, меня все время стражники гоняли. Репутация -то никакая. Ну, надоело, я и не совался туда больше.

– Ясно. Получается, только я одна из всех могу быстро перемещаться. Но для возврата в Мантис мне нужен будет клановый дом, своих порталов у города пока нет. И вряд ли будет, по моим ощущениям – здешние гильдии предпочитают друг с другом грызться, а не город развивать. Так что извините, но нам придется создать свой клан. С вами. Увы.

– Я – за! – сказал Акимыч.

Я, наверное, тоже был «за», хотя ничего о кланах толком не знал. Но кивнул.

– Для регистрации клана нужно пятеро участников и десять тысяч золотых. Среди нас нет тайных миллионеров? Нет? Ну, я так и думала. Значит, нам нужно придумать как очень быстро раздобыть очень много денег. Желательно, дней за десять, максимум. двадцать – не дольше.

– Я могу печь пирожки, – сказал Акимыч. – С рыбой! Взять лоток, лицензию на уличную торговлю – золотых на пять, может быть, в день наторгую, если много бегать.

– Отставить нести чушь! Мы – будем ходить в походы и продавать все заработанное. Но сперва нужно хотя бы слегка вас прокачать. Нимис, с твоим бессилием мы разберемся отдельно – я сейчас все равно выхожу и буду сидеть, копать инфу по кланам, лисам, и вашим параметрам.. бррр...опять кишку это глотать...ненавижу.

– А питаться через капельницу на жизнеобеспечении разве нельзя?

– Нежелательно, пищеварительная система страдает.

– Очень важно жить так, чтобы пищеварительная система не страдала, – сообщил Лукась, с отвращением откусывая рыбу.

– Так вот, Нимис! Ты с твоей беспримерно задранной рыбалкой все свободное время проводишь в море – у тебя скупщик на высокоуровневую рыбу есть?

– Есть, – кивнул я. – Но я ничего такого уж высокоуровневого поймать не могу – у меня мореходства всего девять и я не могу далеко от берега отплывать, а тут у берега ничего крутого не ловится.

– А нанять лодку с гребцом тебе религиозные принципы не позволяют?

Я растерялся. Почему-то такая мысль мне в голову не приходила. Либо Ева, действительно, очень умная, либо я все-таки сказочно тупой.

– Идешь в порт, в контору найма – она там, вроде, по соседству с торговыми конторами. Лису с собой не бери, от этих лис одни проблемы.

– Да, – сказал Сиводушка. – Лодочник может в меня влюбиться и убить тебя из ревности.

– Я тебе паранджу куплю, – пообещала Ева. – А пока дома сиди.

– А я в нее случайно не влюблюсь? – разволновался Лукась. – Мне бы не хотелось.

– Нет, – покачала головой Сиводушка. – У тебя кровь холодная, как у жабы, много сил нужно, чтобы ее согреть.

– Ты тоже дома не останешься, – сказала Лукасю Ева. – Ты сейчас пойдешь в городскую больницу и попросишь обучить тебя азам врачебной помощи. Без танка мы еще можем попробовать что-то нафармить, мобов низкоуровневых я как-то продержу, но лечить меня все надо будет.

– А у Лукася класс может лечить? – спросил я.

– Нимис! Лукась – непись. У них нет классовых или профессиональных ограничений. Они могут изучать любые боевые или ремесленные навыки в любом количестве. Другой вопрос – насколько успешно они смогут ими пользоваться. – Нормально так, – удивился Акимыч. – Да я бы тогда на их месте просто учился бы всему – вообще!

– Хм.. – знаешь, в реальности ты тоже можешь учиться – всему. Что ж ты тогда Моцарта на рояле не играешь?

– Я на гитаре немножко могу. Не то, чтобы прямо Моцарта, но...

– Неписю учиться тяжелее, чем нам, особенно если у него таланта не окажется. – Так, непись, не делай мне тут лицо, вот, возьми пятьдесят золотых и иди на Госпитальную площадь, обучайся малому исцелению.

– Вообще я умею немножко лечить, – сказала Сиводушка.

– Да? – Ева взяла нож и как делать нечего резанула себя по пальцу. – Давай, лечи!

Сиводушка улыбнулась, пожалала плечиками, потом подошла к Еве, взяла пораненный палец и нежно лизнула его розовым язычком, глядя Еве в глаза.

– Ясно... нет, меня ты лечить не будешь. Начинаю понимать, откуда у друидов их принципы целительства позаимствованы. Акимыч, ты сейчас выходишь на улицу и начинаешь бегать – например, до берега и обратно вверх. Лукась когда возвращается с Госпитальной – присоединяется к тебе. Пока хотя бы по двадцати у обоих в скорости и беге не увижу – не будет вам покоя. Если на фарме на вас повиснут мобы – вам нужно будет драпать кругами, пока я вас с них не сниму. Непись, прекрати ныть! Я на тебя буду вешать сферу неуязвимости: ты гарантированно не сдохнешь, при смертельном уроне – пять минут полной неуязвимости, успеешь смыться. Правда, после срабатывания у нее откат три дня, так что сфера – не повод расслабляться. Нимис, ты бегать без силы толком все равно не сможешь – отправляйся ловить рыбу и зарабатывать деньги, про твой класс я все изучу, что есть. Ну, что стоим? Приступаем к выполнению заданий! Лиса! Сидеть дома и не высовываться!

Я боялся, что денег не хватит, но в конторе выяснилось, что гребца без лодки, на свой транспорт можно нанять всего за десять золотых на шесть часов. Десять золотых я как-то наскреб, объединив усилия банка и кошелек на шее, и после того, как я высыпал на стойку последнюю пригоршню медяков и серебрушек, я получил в распоряжение Гуса – флегматичного неразговорчивого дылду в вязаной фуфайке и широченном непромокаемом комбинезоне.

Приняв у меня пати и выслушав пожелания попасть в зону, где можно ловить рыбу высоких уровней, он взялся за весла и принялся грести с размеренностью парового двигателя. Мантис уже давно скрылся, а Гус все греб и греб – лишь через час он поднял весла, закрепил их, бросил якорь, удалился на корму и закурил большую черную трубку.

Первой же пойманной мною рыбой оказался белый гафурфан, похожий на обесцвеченный лимон с глазами. Я заменил мясо на одном крючке тестом и и следующие полчаса таскал вполне обычную золотую макрель, которой в списке Зилки не значилось, но потом на тесто клюнул шипящий комок щупалец, глаз и клювов, который в списке значился как «будель-будель не спаривающийся». Повертев комок в руках и не обнаружив никаких признаков спаривания, кинул его в инвентарь и продолжил ловитву.

Гус все так же курил, безмятежно пялясь в горизонт. Рот он открыл за все время один раз. Сказал «Дал бы рыбки, что ли», Я передал Гусу двух макрелей и тот, кивнув, сунул их в инвентарь.

А потом по леске быстро быстро задвигались синие ручки и из воды на меня выставилось злое-презлое, но красивое синее лицо.

– Уйди! – сказал я лицу. От неожиданности, наверное.

Ответом мне было шипение и раскрывшиеся воротником, пульсирующие синей кровью жабры. Зубы у чудища были острые-преострые и тонкие, как зубочистки. И было их много-премного. В лодку оно запрыгнуло одним движением и чуть не выкинуло меня за борт ударом мокрого скользкого хвоста, но тут в дело вмешался Гус, который веслом, как рычагом, поддел синее змееобразное туловище и как-то ухитрился отправить его в воду.

Тварь пыталась вернуться в лодку, кусала борт, отгрызая приличные куски, а Гус ритмично лупил ее по башке веслом, но я не заметил, чтобы жизни у нее от такого обращения становилось меньше. Я повесил на синее чучело «Сглаз», взял второе весло и тоже попытался поучаствовать в битве – мне показалось, что и чудище, и Гус после первых ударов посмотрели на меня с недоумением. Тварь меж тем уже прилично обглодала левый борт но, видимо, откусив слишком большой кусок дерева, вдруг засипела, вцепилась себе в раздувшееся горло, попыталась залезть когтистыми пальцами в рот – и я увидел, как синюю кожу на шее изнутри пропарывает острейшая длинная щепка.

«Мантисская русалка 97 уровня убита. Получено 1291 очко опыта»

Я успел подхватить с волн мешочек. 12 золота и «обида русалки» – голубоватый лоскут не то мяса, не то не пойми чего.

Я протянул ему шесть золотых, – он опять кивнул, поднял со дна лодки трубку, раскурил ее и снова плюхнулся на корму.

– Гус, а можно я с тобой всегда буду рыбачить ездить?

– Можно. Спрашивай в конторе Гуса Гаффи. Или лучше сразу мне напиши, в конторе без комиссионных обойдутся. Только ты это...

– Если насчет русалки, то я не могу гарантировать, что не поймаю еще чего-нибудь такого.

– Да не... Ты бы благословение у морского владыки сперва получил, раз такой рыбак знатный. Прямо на причале алтарь есть, плохонький, правда. Так и скажи, «дай мол, рыбацкой удачи, Владыка, долгой, пожертвую десять золотых» – точно даст. Чай, не бычков на веревочку ловишь-то, дело выгодное.

После такой долгой тирады Гус замолчал и не открывал уже более рта, даже когда я выловил небольшую, но весьма кусачую акулу, которая, едва оказавшись в лодке, попыталась совершить ампутацию гусовой ноги.

– Пять больших гафурфанов, комес с оторванным хвостом, о, обида русалки! – повезло, бонубо, четыре тликса, вездсуй хрящеватый крупный... ну, и самсики три кило с будель-буделем неполовозрелым. Неплохо-неплохо, это же «Королевскую флотилию» на двенадцать персон как раз собрать. Что же, прижми палец к чеку и получай заработанное!

«На ваш счет в банк Мантиса поступило 1265 золотых»

Я успел заметить, что «обида» в чеке была оценена в 720 золотых, но все равно сердце радостно екнуло при виде суммы.

– Спасибо, Зилка!

– Ну тогда уж и тебе спасибо! Рыбаков-то много, но чтоб за сотню навыка перевалили – таких у нас по двум пальцам пересчитать можно, а русалка без того не словится. Как ты только и пробил потолок-то такой мелкий? Знаю многих рыбаков, которые уже по десять лет сидят на 95-96, и это еще и с удочками лучшими.

Я показал Зилке свою удочку.

– Святая Амалея! Ну, повезло тебе, парень! Хоть скажешь по секрету старому Зилке – откуда ты ее достал-то.

Я уже открыл было рот, чтобы поведать Зилке историю приобретения удочки, а потом вдруг закрыл его.

– Мне жаль, Зилка. Но рыбацкие секреты нужно хранить.

– Понимаю!– рассмеялся Зилка. – У нас и повара лучшие свои тайные рецепты за закрытыми дверями колдуют, не хотят делиться. И правильно! Нет, ну а что? Всплывет информация о том, что такие удочки падают из мишек-нерпоедов, Как попрется народ кланами на север этих мишек искать да истреблять, как обзаведутся все крутыми удочками- и не видать мне больше семиста двадцати золотых за русалочки внутренности. А мне медицинские счета оплачивать надо и вон еще какую кучу народа содержать.

В саду перед домом меня встретило соломенное чучело с выпученными глазами и ртом, заткнутым сложной конструкцией из старых тапочек и веревочек.

– О, Ним, привет, – рыбы принес?

– Макрели полно, еще окуней, кефаль чуточку.

– Так сгружай в телегу к этому... гениально придумано! Считаю, холодильник вечный. А я тогда сейчас у тебя тут лука нарву, за морковь и ячменем стоняю – и будет уха в большом котле. Разольем потом по бутылкам -и пусть этот упырь свой суп каждый день лакает.

– А вы чего не бегаете?

– Да набегались уже. Лукась ногу вывихнул, лежит вон, сам себе ее лечить пытается. Сивка предложила помочь, так он чуть не с визгом к себе в комнату убрался и задвижку закрыл.

– А чего это он так визжал?

– А черт его знает. Но он ее в таком месте вывихнул, я и не знал, что они там вывихиваться могут. Я уже и за льдом ему бегал, и подушку еще одну снизу принес, а он все лежит, хнычет и пуляет себе под одеяло малым исцелениями -только они у него, по-моему, никакие. У нормальных жрецов они прямо горят золотом, а у этого – как ослиная моча.

– Евы еще не было?

– Да не.. Дрыхнет поди, она, по-моему, двое суток уже на ногах. Огонь девка, да? Вообще круто, когда девчонки -умные. Я так считаю, что вообще нормально жить, если у твоей девчонки голова на плечах есть. Ты согласен?

– Целиком и полностью, сказал я. – И вообще жить – это замечательно!

Глава 7

Ева вернулась в игру утром – злющая, как черт, и досталось от нее всем. Лукасю – за травму, Акимычу – за то, что скорость и бег прокачаны плохо, Сиви – за то, что на столе – грязная посуда и крошки, мне – за компанию.

– Твой идиотский класс вообще почти отсутствует в игре! Знаешь, какие комментарии полезные к топикам о нем?! «Пробовал, муть, удалил». «Хрень, а не класс». «Такие классы спецом делают, чтобы народ персов рероллил»

– Я его специально не выбирал, а сменить я его не могу.

– А я почему теперь должна с ним мучиться?

Мне тоже хотелось вспылить, но я не стал. Хватит в доме одной кикиморы.

– В общем, ты – артефакторик.

– Кто?

– Так называют классы, которые привязаны ко всякой байде, которую они делать и с собой носить должны. Вообще многие классы вынуждены инвентарь хламом, чтобы нормально драться, забивать, демонологи таскают камни душ, шаманы – тотемную ерунду всякую, но чистые артефакторики это, например, изобретатели или рисовальщики. Одни бомбы, взрыв-машины, пулялки всякие мастерят и используют, а рисовальщики – редчайший класс, очень крутой, – делают себе помощников из бумаги, и те за них воюют. Но, конечно, артефакторика – не для нубов совсем, это изврат для опытных игроков. Твоя ведьма – тоже артефакторик чистый. Она изготавливает всякую мерзость, а потом ею убивает врагов. В основном это зелья – уникальные, чисто ведьмовские – и всякие прочие ведьминские штучки. Твой стиль боя в идеале такой: ты находишь место, где будешь драться, обвешиваешь его по периметру всякими пучками и лоскутками, ставишь колдовские силки, маскируешь гнойные ямы, разбрасываешь пузырьки с отравой, готовишься час другой, а потом вполне можешь разнести группу неопытных игроков-туристов, которые сдуру забредут к тебе на болото. Если кто-то – отравленный, околдованный и сведенный с ума – к тебе все-таки на последнем издыхании приползет, то ты можешь попытаться затюкать его ножиком – другого оружия ведьма использовать не умеет. Я так думаю, что этот класс идеален для психопата-социофоба, который живет где-нибудь в лесу и хочет, чтобы к его норе никто никогда не приближался, но ума не приложу: какой от него может быть толк в нормальном бою. Кстати, силы у ведьм обычно мало, но все-таки не ноль, это уже какой-то твой персональный изврат. Согласна с комментаторами, высказавшими мысль о том, что такие классы специально создают, чтобы игроки их потом менять должны были.

Я опять немного расстроился, хотя и без того уже догадывался, что чемпионом здешних боевых турниров мне не стать.

– По твоим скиллам. «Сглаз» – резко роняет удачу противника в минус. Мощный дебафф, казалось бы, но так как никто не может сказать, как он сработает и сработает ли вообще... Узелки – это вообще бредятина, ты ими только в лесу можешь пользоваться, причем в лесу, в котором нужные деревья растут. Тех же берез в Мантисе днем с огнем не сыщешь. А рябины, кажется, есть, но рябиновый узелок только и делает, что эхом чужие голоса повторяет и сбивает преследователей с пути. Остальные еще бесполезнее – ольха позволяет тебе быть не очень заметным среди ее зарослей, а лещина – это уписаться просто! – приманивает белок – обычных, нулевых, – чтобы они грызли орешки! Я не знаю, под какими веществами авторы этого прелестного класса сочиняли всю эту муть... Вроде, узелки потом могут и на другие деревья перекидываться при развитии навыка, но народ на форумах, кто за лесную ведьму пытался играть, до этого не доходил – класс все забрасывали. С куколками та же ерунда. Все описывают «маленькую добрую куколку» – которая иногда и кое-как может ведьму подлечить,

а у тебя же «маленькая злая»? Про этих ничего. Давай-ка, парочку сделай, посмотрим, на что они годны.

Игла нашлась у Лукася, кровь – у меня в пальце, за деревяшками и тряпочками тоже дело не стало. Я в режиме использования навыка быстро крутил какие-то неприятные комки в кривых платочках – уже четыре замурзанные кровью куколочки лежали на столе, а над навыком появилась иконка «Помоги, куколочка!». Ну, я ее и нажал.

Первый тряпочный сверток с хлопком перевернулся, отрастил ножки, пискнул, окрысился и прыгнул на Лукася, поливающего пальму. Куклочка вцепилась Лукасю в ногу и тот заорал, а куколочка, яростно работая невесть откуда взявшимися зубками, принялась вырывать из бедняги ключья. Акимыч кинулся помогать и с воем отдернул окровавленные пальцы, Ева вскочила, на ее руке вспыхнул пронзительно-синий огонь, тут Лукась заорал еще громче «неееет!» и рванул по столовой, а евина молния только прожгла дыру на занавеске.

Рыжая пушистая тень взлетела с дивана, вцепилась в куклу и одним движением оторвала мелкую засранку от бедного портье.

Сиви в лисьем облике рычала, превращая куклу в кучку тряпочек, а мы столпились вокруг Лукася, предлагая ему хором примочки, воспользоваться лечебным заклинанием, водички и прекратить стонать.

Оставшихся трех куколок Ева в сердцах швырнула за дверцу горевшей плиты, хотя я попытался их спасти, объясняя, что в моем инвентаре они будут совершенно безопасны.

– Куклы – детям не игрушка! – сказал Акимыч. – Однако, какая дрянь, а?

– Самое смешное, что вреда Лукасю она особого не принесла – один укус – одна единица жизни. Больно – да, но толку по большому счету никакого, – Ева пожала плечами. – Для танка была бы хорошая штука: похоже, эта мелочь много ярости генерит и всю ее на тебя обращает, но ты у нас, к сожалению, не танк. Хотя сопротивление к магии у тебя можно прокачать сказочно – с такими-то пассивными навыками, но физический урон ты все равно по-полной будешь получать.

– Терпеливость и стойкость ведь режут физику? – спросил Акимыч.

– Должны. Но в тряпках он все равно будет складываться от любого меча быстро, а чтобы хотя бы кожаную броню носить – сила нужна для вещей выше зеленки по качеству. Но теоретически танка-антимага из тебя можно сделать.

– Да, если его пытать с утра до вечера пару лет, – чтобы выносливость, стойкость и терпеливость задрались за тыщу миллиардов.

– У него и так они – за двадцатку, кроме выносливости... но что же, это – идея. Попробуем тобою танковать, хотя, чувствую, добром это не кончится. Сиви, не надо жрать эту гадость, выплюни, потом от этих лоскутков и ниток тебя касторкой поить придется! Фу, я сказала!

– Прекрати, – вмешался я. – Сиви – не собака!

– Она лисица, разница небольшая!

– Сиви, отдай тряпочку, хорошая моя девочка, спасибо тебе!

Лисичка успокоилась, крутанулась на месте и вновь превратилась в девушку-слегка растрепанную, но ужасно милую.

На предложение выпасться и прийти в себя Ева огрызнулась, что поспала в реале, и судя по тону, это сон не доставил Еве никакого удовольствия. Сообщение о моей рыбацкой удаче слегка ее расслабило.

– Это хорошо. Если бы не твои счета, то такими темпами на клан, телепорты и вашу прокачку можно было бы быстро собрать, но давай сделаем так – ты половину заработанного сразу выводим, а половину – оставляем. Эх, я планировала уже сегодня вас в «Логово контрабандистов» сводить, но с вашими ленью и травмами... Непись, сколько там твой вывих еще висеть будет? Четыре часа? Ладно, сегодня тренируемся дома, я сама за вас возьмусь. Нимис,

ты пока отправляйся на рыбалку – раз сегодня только ты у нас функционирующий добытчик. Остальные быстро завтракают и приступаем...

С Гусом, которого я вызвал письмом, мы встретились на причале.

– На такой лодке не стоит, – кивнул непись на искусанный борт. – Замучаемся воду вычерпывать, сегодня ветрено и волна. И вообще с тем, что ты ловишь – лучше скорлупку покрепче иметь.

– А можно ее как-то починить? Подлатать лодку нам взялись на верфи, но выяснилось, что на починку уйдет три дня. – я согласился.

– Давай на аукцион ходим, я новую куплю!

– Купи тогда что получше – побыстрее и места для грузов чтобы побольше. Я, если что, могу и с баркасом, и с кочем управиться.

Я подумал, что Гус прав, и приобрел за пятьсот золотых подержанный гребной баркас. Сам я, конечно, его и от причала не отведу – баркас требовал аж двадцать мореходства, но у меня теперь же есть Гус! Так, а почему я, спрашивается, не могу свиток лодки из «транспорта» вынуть и вместо него свиток баркаса на панель вставить?

– У тебя сколько мест под водный транспорт?

– Одно, – упавшим голосом сказал я.

– Ну, вот. А лодка – на верфи, не отозванная. И забрать ее теперь не заберешь, пока не починят.

– Ладно, – сказал я, – возьми, Гус, сам этот свиток и используй его. Потом отдашь.

– Доверчивый ты парень, – сказал, Гус, когда мы вернулись на причал и вызвали баркас. – Со мной тебе повезло, Гус не вор и слово свое держит, но с другими ты так не делай. Я пожал плечами.

– Если всем не верить – жить противно. Только помолвившись Нейдону и сядя на баркас, я заметил, что у того уже есть имя. «Вонючка».

– Так баркас же не новый, в свитке написано, что он «видавший виды». Как старый хозяин назвал, так и будет теперь.

Ну, и ладно, бывают и похуже названия. Гус принял меня в команду баркаса – юнгой, конечно, кем еще, грести можно было вдвоем, так что мы помчались к глубоким водам быстрее, чем накануне. И ловили до позднего вечера – русалок больше не попадалось – уж не знаю, радоваться этому или огорчаться, зато я выловил серебряный кувшинчик джинна и вечером порадовал Зилку, сгрузив ему рыбы на восемьсот с лишним золотых, да еще на сотню потом отнес на рынок в лавку. Не так уж и плохо.

Возвращаясь домой, завернул на пустырь в начале Мышастой улицы – первый дом отгораживался от пустыря железной решеткой с копиями – наверху, а здесь, наверное, был свободный участок под застройку, но чем-то потенциальным покупателям он не нравился, оттого и зарастал колючими сорняками вперемежку с мусором. Самое место, чтобы джиннов вызывать.

Взрыв оказался такой силы, что я улетел за решетку, и, видимо, от шока, даже не почувствовал особой боли, глядя на окровавленные обрубки вместо обеих ног.

«Вы получили 1 серебро»

– "Жадный джинн!" – успел подумать я перед смертью.

Воскрешение прошло ужасно – я обрел плоть и рухнул. Ног у меня не было по колено.

– Травма, да? – сочувственно сказал какой-то игрок, весело выбежавший с освещенного фонариками городского кладбища Мантиса. – Надолго?

– Шесть дней, двадцать три часа, пятьдесят восемь минут, – ответил я, взглянув на дебафф.

– Ужас! Хорошо, что в состоянии боя травму практически нельзя получить, но с бытовыми смертями они жгут, уроды!

И ускакал себе дальше на двух целых крепких ногах. А я пополз домой на четвереньках, приспособившись кое-как пользоваться обрубками.

Дома Ева не погнушалась тем, чтобы продемонстрировать хорошее знание русского красочного мата. Вот Сиводушка только грустно погладила меня по голове и подсунула испеченный Акимычем пончик. Хорошая Сиводушка. Ева – плохая!

– Я не понимаю, как можно иметь дело с людьми, которым нельзя доверить их собственные ноги! Это не группа, а коллектив безногих калек! Мы с таким отношением к делу завалим квест! Лентяи, тупицы, бездельники!

– Я не бездельник, – сказал я. – Я рыбу ловил.

– Не перетрудился на заднице сидеть и удочку держать?

– Некоторые так и трудятся, сидя! А потом создают атомную бомбу и «Войну и мир!»

– Ах, ну ты, значит, бомбу изобретал! Ну, изобрел, поздравляю, сиди теперь без ног, как дурак!

– Вообще лентяи и бездельники – это мы с Лукасем и Сивкой – сообщил от плиты Акимыч. А ты, наверное, только тупица. Мы быстро устаем от приседаний, понимаешь, а Сиви не хочет долго прыгать на скакалке. Говорит, что ее сила не в скакалке.

– Лиса должна быть быстрой и ловкой! Вы сами головой соображайте – это я для своего удовольствия хочу пялиться на ваши потные недовольные рыла? Мы фактически собираемся войной идти на клан в две сотни человек, входящий в первую сотню кланов Трансильвии!

– «Глубоко фиолетово» на девяносто восьмом месте.

– Да хоть на сто девяносто восьмом, у нас же и клана пока нет! А ты теперь неделю не можешь ни качаться, ни зарабатывать! У нас чуть больше двух месяцев осталось, а вы занимаетесь черт знает чем!

– Я смогу! Меня гребец все равно возит, а в баркасе просто сидишь, это и без ног можно.

– А к морю ты на брюхе ползать будешь?

– А на осле если?

– А у тебя верховая езда есть? У меня вот нет, теперь мне туда тебя на телеге возить, а мне как раз делать нечего!

– Меня Гус донесет, он здоровый. Сейчас я его спрошу – напиши мне, пожалуйста, письмо для него

«Вам запрещено отправлять письма данному персонажу»

Прекрасно. Гус меня заблокировал. «Гус не вор, Гус слово свое держит!» Тьфу! Я залез поглубже под алхимический стол, где устроил себе лежбище. Завернулся плотнее в одеяло и заснул, несмотря на еще долго продолжавшийся в столовой скандал.

С утра Ева забрала всех остальных, и они направились на какой-то местный пляж тренироваться убивать каких-то гигантских крабов. С меня перед уходом взяли слово – я никоим образом не пытаюсь добраться до местной больницы, чтобы снять травму. По словам Евы, эти травмоснимания – лотерея для слабоумных; «отрастят тебе за тыщу голды фиолетовые ноги на голове, так что за месяц не избавишься – оно нам надо? И так уже накрутил... сиди дома, ничего не трогай». Так что я лежал на диване, который, наконец, был мне в пору по длине, ползал к палатке во дворе за компотом и супом, читал книгу.

«Быль Ледяных Игл»

Бедные Катина и Срджа, какая жуткая история! Ледяные Иглы – небольшую крепость на полуострове, на самой границе фронта, взял в осаду союз племен северных людоедов. Причем не то, чтобы сам по себе, а с согласия и фактически с помощью императора Трансильвии, так как Ледяные Иглы незадолго до того объявили себя свободным городом и отказались платить дань в императорскую казну. А с чего им, спрашивается, платить, когда с моря на них ходят набегами северные пираты фронта, с суши – вылазки тех самых людоедов, а от империи – никакой помощи, если и присылают солдат – то раз в год, собирать податной обоз

и конвоировать его до столицы. Три года защитники крепости отбивались как могли, мерли от голода и холода, но сумели все же отогнать синеглазых каннибалов от остатков родных стен. И вот тут и появилась имперская армия – город просто сожгли, а почти всех выживших людей – перебили. Встретить бы этого императора, да надавать ему по щам!

Впрочем, хронист, хоть и высказывал некоторое сочувствие героизму и тяжелой участи Ледяных Игл, всецело топил за то, что бунт надо давить в зародыше, и император все правильно сделал, сберег порядок на своих землях, примерно наказал мятежников, молодец, учитесь потомки!

Еще пару дней я провел примерно так же – жадно глотал литературу, а вечером выслушивал хвастливые рассказы Акимыча и Лукася о том, как они крабам панцири курочат. А потом попросил все же Еву отвезти меня утром в порт – решил забрать лодку и попытаться порыбачить немного. Ну, буду болтаться в лодке рядом с причалами – все равно больше, чем если с берега ловить натаскаю, а вечером Ева меня заберет.

Когда мы подъехали к верфи, у ворот рядом с нею шевельнулось то, что я поначалу принял за кучу мусора.

– Друг! – сказала качающаяся куча, превратившаяся в едва стоящего на ногах Гуса, от которого несло, как от целого сивушного завода. – Друг! Прости меня! Сисура меня попутала, пропил я твой баркас! И дом свой пропил! И все пропил! Ничего у меня теперь нет! Отработай! Бери меня в слуги – не пожалеешь!

Глава 8

Ева сразу сказала, что слуги – это замечательно, только им нужно денег давать, а денег у нас нет, а уж если и раздавать эти самые деньги, которых нет, всяким неписям, то хотя бы тем, которые не выглядят так, как будто пропили собственную маму – много что сказала Ева, а потом сама себя прервала и спросила

– А какой это баркас он у тебя пропил? Баркасы – штуки недешевые! И как это он ухитрился пропить ТВОЙ баркас??

Узнав подробности, Ева совсем разозлилась.

– Где ты его пропивал? Что такое «Мокрая макака»? А кто там хозяином – непись или игрок?

– Да нет, Хварь не попрыгунчик, Хварь нормальный мужик...

– Ну-ка показывай, где эта твоя макака!

«Мокрая макака» оказалась забегаловкой в порту – обшарпанной, убогой и, судя по обилию засохшей блевотины вокруг, весьма посещаемой. Ева удалилась туда с Гусом, а я сидел на телеге, слушая ее вопли и жалкое бляение хозяина заведения.

Примерно через полчаса Ева вышла – вся в скромном восторге от собственной персоны и в упоении от победы, а за ней волочился протрезвевший и совсем раздавленный Гус.

– За такой баркас можно было всю эту рухлядь купить вместе с этим Хварем! Обирание местных пьянчуг тут на ура поставлено, впрочем, как и везде. На!

Я благодарно принял у Евы свиток баркаса.

– А как ты ухитрилась его вернуть?

– У меня как у торговца хорошо прокачаны красноречие и убеждение, кроме того, пришлось козырнуть знакомствами в местной ратуше и пригрозить прислать сборщика податей.

– Он что, от налогов уклоняется?

– Откуда я знаю? Но сборщиков налогов ни в одном из миров не любят. Ладно, дело сделано, забыли. А ты вали отсюда, любезный, – шикнула она Гусу, – твою развалюху он уже кому-то сдал и вообще это уже твои проблемы.

– погоди, – сказал я. – Нехорошо как-то. Все-таки он честно признался...

– А если я кого зарежу и честно признаюсь – мне тоже ничего не будет? Он не честно признавался, он просто к тебе как пиявка присосаться хочет в надежде еще как-нибудь за твой счет налакаться. Что я, эту публику не знаю что ли? Они тоже всюду одинаковые! Иди-иди, я сказала, нам такой слуга нужен, как блохи на собаке!

Но в конце концов мы все-таки договорились. У портового нотариуса был составлен договор, согласно которому Гус Гаффи поступает в личное услужение Нимису Динкану сроком на один месяц (испытательный!) с оплатой сто золотых в месяц, плюс проживание и питание. Проживать Гус предполагал на баркасе, ночуя в рубке, – ночуя, правда, частично – так как в эту будку на палубе «Вонючки» он мог втиснуть лишь верхнюю часть своей немаленькой персоны.

Увидев название нашего судна, Ева скривилась и сообщила, что может мне гарантировать – ее ноги на палубе такого плавсредства не окажется.

Ну, и зря. Хороший баркас, крепкий, из дуба. Весельный, но имеется небольшая мачта с косым коротким парусом – гротом. Шесть мест для грузов до ста килограммов весом. Рассчитан на двух гребцов, но и один справляется. Пресловутая рубка со штурвалом. Переносная противопожарная печечка, на которой Гус планировал жарить себе пойманную мною рыбу. Не знаю, что еще надо. Отличный баркас.

Последующие несколько дней прошли на редкость мирно и спокойно. Утром Гус заходил за мной и на закорках относил в порт. Уже минут через сорок после отчаливания мы бросали якорь, и я рыбачил, а Гус дремал, привалившись к мачте и укрыв лицо шляпой. На мое

предложение выучиться рыбалке и тоже рыбачить, Гус ответил, что у него от поплавок голова кружится и он на второй минуте засыпает, но он и без всяких поплавок дрых с жутким храпом постоянно. Впрочем, иногда ему приходилось просыпаться – когда я затаскивал в лодку что-то опасное. Русалок больше не попадалось, а вот «спрутов Союзного моря» я в день мог выудить больше десятка – и когда такой спрут весом килограммов в пятьдесят забирался в лодку и начинал крушить тут все своими щупальцами, Гус просыпался, выхватывал из инвентаря тесак с широким лезвием и забивал добычу, пытаюсь пореже попадать под удары острого клюва, растущего из клубка резиновых мощных присосок. Зилку спрутятина не интересовала, поэтому мешки осьминожьего мяса отправлялись в возке на рынок, а Акимыч, поднявший кулинарию до тридцати пяти, даже разорился на приобретение рецепта «салат из осьминога с латуком», каковой салат у нас в эти дни подавался в доме на завтрак, обед и ужин, благо, получив новый уровень в огородничестве, я засадил латуком все клумбы во дворе. Зато с каждого гада падало от двух до пяти черных блестящих словно бы резиновых шариков размером с яблоко – «чернила спрута», и вот их в ресторане у меня покупали по двадцать золотых. Эти чернила, нужны, во-первых каллиграфам для копирования лучших манускриптов, (обычные-то чернила делают из чернильных орешков, а дешевые – вообще из жира и сажи), во-вторых они были красителем для дорогой ткани и кож, ну, и в кулинарии иногда, оказывается используются. Так что, понервничав первые несколько раз, я уже радостно вскрикивал, когда видел, как вслед за леской со дна поднимается, клубясь щупальцами, туша спрута. Вообще только здесь, в южных водах, я оценил насколько спокойными и умиротворенными были рыбы северного океана – здесь же каждая вторая редкая рыбешка кололась иглами, раздувалась взрывающимися шарами, травила меня ядом и оглушала свистом, так что даже в ресторане, когда я вытаскивал свой улов из инвентарного анабиоза, Зилка с поварами держали под рукой железные перчатки и щипцы для ухватывания особенно энергичных экземпляров.

Вечером мы страстно считали деньги – и хотя я был основным добытчиком, но Ева бдительно следила за положением дел на моем медицинском счету, и я редко вносил в общую кассу будущего клана более 40-50 золотых в день – остальное переводил в реал и кидал на счет лечебницы. Примерно по полтиннику в сутки вносили и остальные, которые уже прекратили мучить крабов и переключились на каких-то морских крыс, обитающих в норах по побережью. Лукасю пришлось, невзирая на все его протесты, обучиться еще и азам свежевания, и шкуры с этих крыс – мохнатые, мокрые и вонючие, загаженные водорослями, каждый вечер развешивались по двору – аукцион принимал их только в подсушенном виде.

Лукась примерно каждый вечер сообщал нам, что если бы не топазовый квест, только бы мы его и видели, что у него болит все тело, что его укусила крыса, а целительство противно его духу и складу характера, и что мы сговорились его уморить. Акимыч, наоборот, сиял бесконечным оптимизмом и с подробностями описывал каждый бой с каждой крысой, которая в его описании всякий раз была невероятно огромной и свирепой, но, благодаря блистательным действием команды и, прежде всего, самого Акимыча, оказывалась должным образом умерщвленной и ободранной. Сиви сидела рядом со мной и тихо ела салат из осьминога с латуком, выбрасывая из него латук. Эти вечера были прекрасны.

Ноги у меня выросли по таймеру без каких-либо потрясающих спецэффектов: только что не было, и вот, пожалуйста, стоят на полу под столом – крепкие, целые и босые.

– Ура, – крикнул Акимыч – Завтра идем в «Логово контрабандистов!»

– Да, – сказала Ева. – попытаемся сделать из Нима магического танка. Хотя именно в логове магов немного, там народ все более саблями и кинжалами орудует. Но в охрану каравана и на старую верфь вам рано, не говоря уж о светящейся пещере. Наша задача – поднять вас с Нимом хотя бы до тридцать пятого, потом уже попробуем верфь – там хоть какие-то деньги можно попробовать набить. Логово, как и многие низкоуровневые инстансы, можно чистить безостановочно, обновляя после каждого прохода. Поэтому сразу запасемся лекар-

ствами, водой, едой – всем, что понадобится. Никаких возвращений домой на обед, до логова почти час топать, не будем терять время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.